

ВЯЧЕСЛАВ СМИРНОВ

Песня-плач-причитание
по одинокой девице Татьяне,
от которой ушел хороший парень тракторист Алеша,
а ведь и Таня тоже хорошая девица,
а вот поди ж ты, как оно в жизни бывает,
и все кончается плохо, и всем грустно и нерадостно

16 +

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5

C51

Смирнов, Вячеслав
C51

Песня-плач-причитание по одинокой девице Татьяне, от которой ушел хороший парень тракторист Алеша, а ведь и Таня тоже хорошая девица, а вот поди ж ты, как оно в жизни бывает, и все кончается плохо, и всем грустно и нерадостно. *Стихотворения* / Вячеслав Смирнов. —

Т.: Литературное агентство В. Смирнова, 2018. — 208 с.

ISBN - 978-5-98147-059-2

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ

и

Союза российских писателей

ISBN - 978-5-98147-059-2

© В. Смирнов, 2018
© Литературное агентство
В. Смирнова, 2018

СТИХИ

Гори все синим пламенем
И тихо плавься,
А ежели насчет меня —
То вечно славься.

Что делать, если я такой,
Мне дай дорогу,
А то сейчас махну рукой —
Прибью ей-богу.

Не применяйте строгих мер —
Глядите шире.
Товарищ милиционер,
Я не дебоширо.

19.04.1982

Мне это посоветовал один знакомый грек,
Меня в цирюльне поздней ночью брея
(Сказать по правде — грек тот был хороший человек,
Но внешностью похож был на еврея):

— От лысины избавиться желаешь? Ерунда!
Надежнее нет средства и вернее...
Когда с тобой случится вдруг какая-то беда —
Помочь проси ты грека-брадобрея.

Есть борода — ее мы очень быстро отстрижем,
И грек чурбан твой клеем враз намажет.
Никто и не поймет — в своем ты ходишь иль в чужом,
А бедный грек уж никому не скажет.

12.05.1983

В часы раздумий тяжких,
В часы безумных буйств
Кусай судьбу за ляжки
Ты до потери чувств.

Когда черствеют души
И в сердце пыль столбом —
Хватай их всех за уши
И бей о стенку лбом.

Покой не снится боле,
А снится мой Корсунь.
Так вынь ты вилы, что ли,
И в чай-то зад засунь.

Последнюю рубашку
И свой ремень от брюк
Продай скорей, бедняжка,
И выкинь жуткий трюк,

Чтоб почти и печенка,
Желудок и язык
Вздохнули обреченно.
Совсем я жить отвык...

27.05.1985

Каждый день я моюсь в бане
Как Марчело Мастрояни.

Зад мой, как и моя шея,
Чист как у Хемингуэя.

Хоть хожу я без носков,
Но мне завидует Лесков.

И хоть хожу я без трусов,
Но мне завидует Брюсов.

И хоть хожу без ничего,
Но моюсь чище, чем Гюго...

Без мытья мне жизни нет,
А то — какой же я поэт?

29.05.1985

Товарищи, никто не терял из вас совесть?
Может, кто-то живет сейчас, страшно расстроясь,
Ищет по городу, ходит, опущенный в воду,
В дождь, слякоть, снег — и в прочую непогоду?

Может, находится сейчас в нирване, в отколе,
Руки заламывает до хруста костей, до боли.
Недочеловеком себя считает, близок к самоубийству,
Не поддается уговорам, утешениям и прочему витийству.

Кто это? Кто же? Я нашел совесть, братцы!
Товарищи, кто же хозяин? Тут надо разобраться.
Ну, кто же хозяин? Или хозяйка. То-то будет рад. Или рада.
Как это так: «Хозяина нет»? Ну, а мне ее и на хрен не надо...

07-08.10.1985

Предисловие автора к сборнику его стихов

Я не скрываю, что я — графоман.
А вы что хотели?
Пишу день и ночь за романом роман —
Семь штук на неделе.

Я сто сорок тысяч прекрасных стихов
В году сочинил.
Я в день изводил (горжусь: мол, каков!)

По литру чернил.

Три тонны бумаги развеял я в прах
В последние дни.
По горло в работе, долгах и стихах —
И вот вам они!

17.10.1985

**Чем занимаются каты
в свободное от работы время
или о пользе частных средств передвижения**

Кат
Построил самокат.
Самокат
Великоват.

Прокатился
Братец кат,
Развалился
Самокат.

Подарите брату-
Кату
Вы, друзья, по самокату!

Если сломан самокат,
То несчастен братец кат.

29.11.1985

**Aх, мама, был и я налетчиком:
О, это время золотое!
Я слыл отчаянным молодчиком,
Но я — один. Их было трое.**

И вот лежу в постели белой я
И изучаю потолок.
Ах, мама, как меня уделали.
Что ж я один-то сделать мог?

Сегодня гипс мне сняли в клинике,
Я костили держу в руках.
Те трое жрут, наверно, финики,
А я остался в дураках.

Я стать мечтал актером, летчиком,
Увлекся как-то метростроем.
Ах, мама, был и я налетчиком!
Но я — один. Их было трое...

28.06.1986

Я бродил по вокзалам Москвы,
Бичевал в подворотнях огромных домов.
Я надеюсь, что помните Вы,
Как любил Вас товарищ Смирнов.

Я влюблен был в Казанский вокзал,
В Вас — не меньше, но это, конечно, не то.
Был предбанник большим, как спортзал.
Там мы сняли пальто и манто.

Я казался себе молодцом,
Раздувал свою хилую, дряблую грудь.
И казалось начало концом,
И казался короче безрадостный путь.

На полке, разомлев от жары,
Прикрываясь березовым веником, Вы
Мне сказали, что был для нее я вторым,
Кто ее не в Москву звал, а вез из Москвы.

После бани был постный обед.
Я, раскрывши окно, пел дурные стихи.
Улыбались нам грузчики вслед
И смеялись презрительно дворничихи.

Я бродил по вокзалам Москвы,
Я казался себе удалым молодцом.
Вдруг на Курском сказали мне Вы:
— Ну, когда ж мы уедем, в конце-то концов?

Я сказал, что наш поезд ушел,
А другой не предвидится, вроде, совсем.
И сказала она, загрустив: «Хорошо».
И добавила: «Ах, вы такой же, как все...»

04.03.1987, Суббота

Я тянулся к природе руками,
Но она отбивалась копытом.
Коля, были и мы рысаками,
Но потом нас замучило бытром.

Ах, какие у ней были ноги,
Ах, какие у ней были плечи...
Но какой-то еврей в синагоге
Мне сказал: время все, мол, залечит.

Как горели глаза у девчонки!
Мы катались в тот вечер на лодке.
А теперь у нас колет в печенке,
А теперь мы подохли от водки.

И тогда, и теперь — только вспомню,
Как мороз пробирает по коже.
Коля, в жизни всегда не везло мне —
Ты и я это поняли позже.

Ах, какая нам снилась житуха,
Ах, какие огни нас манили!
Но теперь с этим делом все глухо —
Мы в водяре всю жизнь утопили.

Ах, какие у нас были ночи,
Ах, какие у нас были встречи!
Коля, дай мне в лицо что есть мочи —
Мне ответить, я думаю, нечем.

28.04.1987, Суббота

Я, послюнявив карандаш,
Твой рисовал портрет,
И спрашивал: «Сегодня дашь?»
Ты отвечала: «Нет.

Ты славный малый, и вообще...
Но милый, в самом деле —
Пора подумать о душе,
Ты ж думаешь о теле».

25.06.1987, Суббота

Корове сказали: «Му-му не дави», —
И она замолчала навеки,
Потому как от этой вот нелюбви
Помирают и люди.

Я послушным рос и доверчивым,
Избегал соблазнов и шалостей,
Потому как судьба переменчива,
И ведь гибнешь-то из-за малости.

Ну а так как судьба не девочка,
И с ней разговор короток —
Я не дам ей ни балла и ни очка,
А скорее, дам в подбородок.

Я кичился образованием,
И умом, и статью страдальческой,
Только мир этот разно и всячески
Не хотел признавать меня мальчиком.

Я комиссии ждал и проверки,
Только что это за ерунда —
Мне сказали, что «...ты парень верткий,
И девица ты — хоть куда!»

Ах, о чем это я? О корове?
С мысли сбит, будешь тут сердитым.
Эх, здоровье мое, здоровье —
Нелегко быть гермафродитом.

29.07.1987, Суббота

Пространство заполнено бякой
И всякою прочею жижей.
Все ждали, что выйдет оракул...
Оракул за бякой не вышел.

Вселенная не разверзлась
И небо на нас не упало.
Нет, это еще не дерзость,
И для подвига этого мало.

Какой-то пьяный патриций
В обнимку с плебеем проклятым
Говорил о разврате в столице
Как о близком, родном и понятном.

Толпа постепенно редела,
Тускнела и расходилась.
Кто жаждал дела, кто — тела,
Но опять им ничто не явилось.

25.09.1987, Субочи

Был Фрол Минаев предатель, бандит,
Ну а теперь он в тюряге сидит.
Жить бы да жить, не тужить, а пока
Цепко он схвачен рукой ГубЧеKa.

За Ворошилова и за Буденного
Мы в бой можем решительно шагнуть,
Но подожду я все же время оного
И повоюю позже как-нибудь.

Лешка Киреев был парень-герой,
Только убит он осенней порой.
Красная Армия рвется вперед,
Где тут свои — один черт разберет.

Вперед за Сталина рванемся трепетно,
Но, впрочем, нет, не будем про него.
Хоть на ветру кумач наш красный треплет, но
Всегда мы бились до последнего.

Бритвой по горлу, лежит без штанов —
Зверски замучен товарищ Смирнов.
Но от тайги до Британских морей
Нет прокурора Андрюшки сильней.

За всех за нынешних, за прежних тоже
Готов я выпить, вот и пью до дна.
Я помню, в бой и в строй мы были гожи,
И в пир, и в мир, но кончилась война.

22.10.1987, Субочи

Вот он разделся не для сна —
Для более достойных дел.
Вот под рукой скулит жена —
Жену он тоже, гад, раздел.

Кует он счаствия ключи,
Кувалдой машет бойко.
Кричи, родная, не кричи —
Вдвоем нас стерпит койка.

03.1988, Падчевичи

Сколько нас таких по свету мечется —
Голь на голи, пьянь на пьяни, рвань?
Вспомни нас, больное человечество,
Протяни трепещущую длань.

Что вам всем до тех невинных мальчиков,
Что вам всем до выродков-иуд?
Молитесь, блазня себя обманчиво:
Столь ли страшен этот Страшный суд?

Смертью ль то лихое искупление
Или жизни страшная цена?
Помнит нас больное поколение:
«Те все живы? Странно, вот те на!»

Не прошу у Господа отсрочки.
Был призыв, и ровно в восемь — пли!
Кто в чем был — кто в майке, кто в сорочке —
Ровной струйкой дыма ввысь ушли.

Скользь от жизни праведной обломков
Будут находить то там, то тут.
Вспомнят нас как пьяниц и подонков,
Жуликов, предателей, иуд.

13.07.1988

Я б влюбился в англичанку,
Но не смыслю ни черта
В цифири и в мудрости великой сей.
Мы играем с ней в молчанку.
Правда, телка еще та.
Но увы, куда мне рваться с личностью моей?

«Эй, Би, Си», — она мне шепчет,
Наклонившись прямо к уху.
У меня же, грешен, братцы, на уме не то.
Прижимаю даму крепче,
Впрочем, не хватает духу
Снять с нее еще калоши, расстегнуть пальто.

Ропщет папа-англичанин
И глядит сердито,
А мамаша-англичанка в шоке вообще.
То ль от глупости отчаян,
Только выгляжу бандитом
И твержу ей вместо «Эй, Би»
наше «Це, Ше, Ще».

10.11.1988

Дикарочка

В набедренной повязочке
И перышко в власах —
Дикарочка из сказочки,
Весь мир в твоих глазах.

Росой умылась утренней,
Напудрилась пыльцой,
А вот прекрасна ль внутренне
Ты, как твое лицо?

Неведомой загадкою
Был ангел во плоти.
Смотрю весь день украдкою —
И глаз не отвести.

Была б близка фантазия
К реальностям земным,
А так — лишь безобразие
И знак дурной иным.

02.12.1988

Не болтай, дружок, муру,
А не то с тоски помру.
Не придешься ко двору —
Не наешься на пиру.

Тронул волосы рукой —
Заструились рекой.
Веришь мне? А я — другой.
Слыши: «Верю, дорогой!»

Жизнь — ошибка или бред,
Что ни делаю — во вред.
Приглашен был на обед,
Но сказали: места нет.

Все вернется на круги,
Где ни плонь — кругом враги.
Нет спасенья от пурги,
Если хочешь жить — беги.

Ты глядела мне вослед.
Кто спасет меня от бед?
Что ни шаг — опять навет.
Очень жаль, что Бога нет.

02.12.1988

Про се ляви, которая сильнее нас
(знаете ли вы, что такое се ляви?)

Когда я ее раздевал,
кровь еще дымилась на морозе.
Как хорошо, что пуля попала в голову —
норковая шуба не пострадала.
Вот только до обидного жалко,

что мозгом забрызгало ондатровую шапку —
ее не примут в химчистке и сообщат в милицию.

Тот интеллигент в очках
даже не вскрикнул, когда я размозжил ему голову.
Я снял с него часы
и отрубил палец с перстнем-печаткой.
Я долго стоял и думал
над агонизирующим трупом:
если я сдам ювелиру
коронки, снятые с зубов убитого,
что тот подумает обо мне
и не сообщит ли в милицию на всякий случай?

Своего соседа по нарам
я придушил сонного,
прижав к его лицу вонючий тюремный матрас.
Господи, простишь ли последнее мое прегрешение?
Его махровые носки помуттили мне разум.
Ворочаясь на жестких нарах
студеными зимними ночами,
я с теплотой вспоминаю того,
кто облегчил мои бесчисленные страдания,
поделившись, я думаю, по-брратски
носками, ласкающими мои ноги.

Когда меня вели на расстрел,
я и тут не изменил себе.
Моя патологическая натура жаждала насилия,
но се ляви была сильнее меня.
Я протянул свои руки,
отягощенные металлическими наручниками,
к начальнику конвоя,
и с трепетом прижал к чахоточной груди
золотые часы, мастерски снятые у этого ротозея.
Тяжело дыша в замшелую кирпичную кладку,
я видел, затылком видел,
как строился конвой,
как брал ружья наизготовку,
как начальник конвоя, обязанный фиксировать время
расстрела,
одернул рукав френча и,

поняв все в несколько мгновений,
брзужа слюной, выкрикнул визгило:
— Пли!

22.12.1988

Привкус ночи так горчит! —
Сплюнул злобно с кислой миной.
— Ты чего искал в ночи
С этой дурой Агриппиной?

Не уйти от серых глаз...
И, вздохнув уныло,
Повторяю в сотый раз —
Что у нас с ней было.

Стынет ужин на столе.
Ты сидишь в углу, сердита.
— Снова, гад, навеселе
Где-то шлялся с Афродитой?

Тлеет, тлеет наш очаг
Скор и суесловий
— Дорогая, я зачах
От твоей любови!

А она одно в ответ:
— Если дотемна
Снова будешь рыскать где-т —
Брошу, так и знай!
И опять: она — на кухне,
Я — с газеткой на тахте.
Пусть остынет-поутухнет.
Впрочем, страсти еще те!

Но скажу с невинным видом,
Со значеньем роковым:
— И тебя кой с кем я видел.
Все вы, бабы, таковы!

27.01.1989

Песенка кашевара

Под зов трубы,
Под рев толпы
Разбили лбы
Себе столпы.

Но то дело не по мне —
И вот я снова в стороне.

Под бодрый марш,
Литавров звон
Я делал фарш,
Варил бульон.

Вот поле боя для меня —
Хватает дыма и огня!

Визжит картечь
И льется кровь...
Капусту — сечь!
Варить — морковь!

Солдат беспомощен и глуп,
Когда б не мой армейский суп.

Кастюли вдрывз
И в каше — дробь.
Шрапнельный визг,
Пот, копоть, кровь...

Кусок свинца издалека
Угrobил насмерть простака.

06.02.1989

Старая песенка

...И погиб богатырь ни за кошкуину мать,
И сатрапы с кацапами взвыли.
Он сперва их хотел приструнить, обломать,
Хоть просили его мужики «не замать»,

Ведь когда он решал «или-или» —
То одою ногой был в могиле.

Из-за тридевять трижды тридесять земель
На поминки приспела шальная родя.
И свистел в головах озорной коростель,
И печально иголками сыпала ель,
На обочине зноем смердела стерня...
Я вздыхал и смотрел, как хоронят меня.

Сыновья с кумовьями на строганный крест
Каждый молча наложат заклятье свое,
Побожившись буквально в единый присест
Покарать предводителей тутовых мест...
Я вздохну и скажу кумовьям: «Ё-моё!» —
И завоет, с ветвей послетав, воронье.

Темной ночью, лихою бесовской порой,
Или в марева полный безоблачный день
Зажурчит моя кровь под древесной корой —
И откроет глаза сероглазый король,
И воскликнет прохожий: «Да сгинь, дребедень!» —
И застыну я вновь — то ли ствол, то ли пень...

08.02.1989

Я вижу: звездочка во лбу
Горит шестиконечная.
Я не в обиде на судьбу,
Поскольку тема вечная.

Давид воскрес, и прав он был,
Чудак-протоиерей:
— Я рад, что Бога ты любил —
Неважно, что еврей.

И, сердце с горечью скрепя,
Под ноги плону в пыль...
Меня повяжут второпях
И вышлют в Израиль.

09.02.1989

Пейзаж за окном

Смотрю в окно на просветленный город
И неба над домами синеву.
Край горизонта пополам расколот,
Глаза прикрою — брежу наяву.

Дым из трубы азотного завода,
Дым из трубы цементного завода,
И Синтезкаучука дым — того же рода.
Здоровье наше тает год от года.

Чуть приоткрыл на миг свои глаза,
А за окном — метель с насмешкой кажет фигу.
Что фига?! Если б это был, ну, скажем, зад...
И вновь я упираюсь взглядом в книгу.

А из трубы конфетного завода,
А из трубы кирпичного завода,
А из трубы речного парохода,
А из трубы печного дымохода...

Я шторами закрыл свое окно.

13.02.1989

На суде сказали Грише:
— Десять лет — хороший срок!
Если б тот лейтхеха вышел —
Гриша б шементом утек.

Не хватать ему девчонок
За округлые бока.
У истока всех речонок
Бьет ключом Колым-река.

Комары да кровососы
До конца с тобой в пути.
Отсырели папиросы,
Пайка — после десяти.

Загрустил рубаха-парень,
А ему: — Ты что, дружок?
Подъ сюда. Мы ж разве баре?
На, курни мою разок!

Много ль надо человеку?
И тащились мужики
От гнилых лесных орехов
И от вяленой трески.

Как-то раз порой морозной
Гриша высказался мне:
— А ведь эту папиросу
Помню, Слава, и во сне.

А потом до самой рани
Не гасили с Гришой свет.
Никакой не хватит браны
Описать те десять лет.

22.02.1989

Верное средство

Нет лекарства от тоски
Краше тесовой доски:
Врежешь смаху промеж глаз —
Настроенье в самый раз.
От любви роковой
Есть рецепт еще такой:
Хвать топор за обушок —
Кончен, Маня, твой дружок.

Медицине я обучен,
Не найдешь лекарства лучше,
И на всякую беду
В шесть секунд рецепт найду.

22.02.1989

Ты вздрогнешь от шепота ветра
И всплеска ночной тишины,
И я отшатнусь на полметра,
Укравшись под сенью сосны.

На миг обо мне позабудешь,
Закружишься в свете луны,
А после рассказывать будешь
Под сенью все той же сосны

О странном заоблачном крае,
Мелькнувшем внезапно в мозгу.
Всю ночь мы о счастье и рае
Просторим на берегу.

22.02.1989

«Шри-Ланка — страна моя родная...»

Иокогама, Иокогама —
Край прелестный, рай земной.
Мужики, скажу вам прямо —
Мне не хочется домой.

Отпустите ради Бога!
Что я дома не видал?
Манит грешника дорога
В край, где все — «вот это да!»

Где поют знаменным хором
Так, что слышно далеко,
Не вразброд, не диким ором,
А спокойно и легко:

«От Москвы до Рио-де-Жанейро...»

27.02.1989

Весенние мотивы

Почти неделю тает снег.
Порой стремительный прохожий,
Попридержав свой резвый бег,
Скользит по льду. Себе дороже

Поспешность наша или прыть.
Но что поделать — всюду лужи.
Так вплавь приходится нам плыть
И ждать с надеждой лютой стужи.

«Мороз и солнце, день чудесный...»
И дворник, натянув треух,
С утра до ночи с миной пресной
Колотит лед. Морозный дух

К раздумьям манит нас унылым.
Что нам зима — то дождь, то снег!
А вот беда — исчезло мыло
И кое-что попутно сплыло...
Весна, весна... И смех, и грех!

27.02.1989

Зацепившись за башенный шпиль,
Темно-красное облако взывло,
И безветренный, пакостный штиль
Обволок городок, всем назло.
В тихой бухте веселый упырь,
Обменяв чье-то шило на мыло,
Выдавал свои врачи за быль,
Отбиваясь при этом веслом.

И, похожий на свежую кровь,
Дождь хлестал по карнизам и крышам.
Зять зарезал заразу-свекровь,
Получилось — любимую мать.
И вещал нам упырь вновь и вновь:
— Если б Отче об этом услышал —
Он бы проклял злодейку-любовь,
Отказавшись сей факт понимать.

Но подул озорной ветерок,
И багровые капли кошмара,
Всполошившие этот мирок,
Вмиг просохли и в землю ушли.
И смеялся упырь, что урок
Был достоин щедрот Нарьян-Мара.
Хлопнув дверью, шагнул за порог,
Вслед за облаком скрывшись вдали.

Приоткрою с опаской окно —
Я готов позабыть все на свете.
Хоть гроза отшумела давно,
Но напомнит об этой поре
Бурой жижей хмельное вино,
Кровью пахнущий встрепанный ветер,
Равнодушный ответ «все равно»
И кровавый закат в январе.

01.03.1989

Я ленточку в конскую гриву вплету,
Лихой бубенец зазвенит под дугой...
Кто с детства лелеял такую мечту —
В душе был один, а снаружи — другой.

О, серые будни дурного житья!
Шальные зверушки, мы скакем вверх-вниз.
Ты станешь отцом, если выйдешь в зятья.
Чтоб выйти в зятья — непременно женись!

И брошу я пить, и курить, и... вообще,
Раздую мехами семейный очаг.
Никто и не глянет: а что там, в душе?
Как счастлив ты был! Отчего же зачах?

Стряхнуть бы все это... Но черт побери —
Себя потерял за сумятицей ты:
Снаружи все тот же, а глянешь снутри...
Вплетаю я ленты, лелею мечты...

11.03.1989

О девочке Лидочеке

Жила-была Лидочка-лапочка,
У лапочки Лиды был папочка.
И всем бы удался папа,
Будь у папы «мохнатая лапа».

А так — ни машины, ни дачки,
И радости все — как подачки.
А хочется жить как в Америке.
Не везло нашей Лидочеке в метрике.

Будь я вроде Лидочки девочкой,
Я давно б догадался — мне делать что.
Хоть панель и не крайний случай,
Но найди-ка ты выход лучше.

Как-то раз был и я у Лидочки —
Ну, естественно, не за «спасиочки».
Жаль, у Лидочки папа «покойничек» —
Обошлась мне та Лидочка в стольничек.

Есть и дачка уней, и машиночка,
Все бы ладно, но вышла заминочка:
Подцепил я от Лиды «чесоточку»
И отправил ее за решеточку.

А еще была девочка Тонечка
И не знал я Тоню нисколечко.
Но о Тонечке — та еще темочка.
Расскажу, если будет времечко.

13.03.1989

Я просто свихнулся с любовью этой,
А может — виною воображение.
Смотрю на закат луны фиолетовый,
В голове наблюдаю мозгов брожение.

Все мы, коты, что родились в марте,
Любвеобильны до неприличия.
Как всякий мартовский Буонапарте,
Раздаю подчиненным знаки отличия.

Но мой генерал, по плечу похлопав
Меня, увлекшегося икрою,
Промолвит: «На ужин — лапша с эскалопом
И пирожки с баклажанной икрой».

Скажу генералу «есть!» и «так точно!»,
А после помою на кухне посуду.
Я знаю, грызет тебя червоточина:
«Эк развелось Бонапартов повсюду!»

Сниму треуголку, сюртук свой старый,
Забуду свое отношенье к престолу,
Спущусь к магазину — сдавать стеклотару,
А после зайду за сынишкой в школу...

И вновь отвоют февральские волки
И март сметет на пути все препяды.
Я сдую пыль со своей треуголки
И снова пойду раздавать награды.

21.03.1989

Псевдодетская песенка*

Растрапались на ветру
Редкие волосики.
Ах, как славно поутру
Вдаль бежать по просеке.

Спотыкнусь о пень гнилой,
Шлепнусь на полянке
И зароюсь головой
В бледные поганки.

Накумарюсь до бузы,
Обопьюсь росою.
Эх-ма! Мы теперь тузы
С кумушкой-лисою!

* «Псевдодетская» вовсе не означает, что песня написана для взрослых. Просто это — якобы детская песенка.

И стою в лесной тени —
Аж всего качает.
Шепчет лисонька: «Срыгни —
Может, полегчает».

22.03.1989

Наглядный пример

Его убили тут же, на углу,
Буквально в трех шагах от точки винной,
Воткнув в живот короткую пилу,
Которая вошла наполовину.

Живого — я б жалеть его не стал,
Такую пьянь найди еще, попробуй.
Он жил за ради, так сказать, Христа,
И заливал «чернилами» хворобу.

Зарезан — пухом пусть ему земля,
Был у страдальца так недолг век.
Его схоронят, пусть не у Кремля,
Но чин по чину — все же человек.

И всякий раз, когда я прохожу
По мостовой, где смыло кровь дождем,
По сторонам с опаскою гляжу:
Уж мы-то загибаться подождем!

Ношу в кармане пилку для ногтей —
Оно надежней, да и меныше спрос.
Не приставайте, люди, в темноте —
Не оберешься ни соплей, ни слез.

02.04.1989

О смысле жизни (из цикла «Нравоучения»)

Если все время думать
О смысле и сути жизни,
И на ее закате
Найти правильный ответ —

Значит, в жизни не нужна цель
И незачем искать ее смысл, если ответ найден тогда,
Когда пора сказать всем «прощай».

Но ведь ты жил и искал,
Но ведь ты стремился к чему-то!
Быть может, вот она, цель —
Сам поиск этой цели?

Люди,
Вы никогда не откроете
Теорию невероятностей
И не выйдет из вас никакого Толстоеевского,
Если вы тратите свою жизнь
В поисках того,
Что давно уже найдено.
Не вами.

03.04.1989

**Песенка про любовь,
а в общем-то про дождик,
а скорее всего — про свинство**

Трекнулись с любовью,
Господи прости.
Кроме нас с тобою
Некому грустить.

Ты споешь мне песенку,
Я прочту стишок.
Как нам будет весело!
Ах, как хорошо!

Дождик за окошком
Капает с утра.
Подождем немножко —
Ждали же вчера.

Побежим по лужам,
Пусть нам вслед грозят.
Чем, скажи, мы хуже
Этих поросят?

03.04.1989

Ту-ту-ту-ту!
Герой!
Па-па-па-па!
Великан!
Слон! Смотрите, слон!
Вы ждали его! Вы любили его!
Вы съели его.
Бивни — на бильярдные шары.
Ноги — вместо мусорных урн.
Хобот — первейший деликатес.
Куда вы дели кишкис?!

Их вы тоже пустили в дело!
Звери!
Хуже зверей!..
Грязные свиньи!
Скорбим.
Поднимем бокалы.
Что? Жаркое из хобота?
Очень вкусно.
Мням-мням.

04.04.1989

Партишка в картишки-шахматики

Я ферзем хожу, игрок,
Ты — вольта суешь.
Я от гнева ажно взмок —
Эх, ну ты даешь!

Загребу рукой доску,
Сброшу с поля пешки
И заеду по виску,
Весь дрожа от спешки.

Ну, а он мне: «Ах, подлец! —
И под стол ничком. —
Нафиг драться под конец,
У меня ж «очко»!»

Я ему — про мат и шах,
Он мне — про бубен.
В общем, долго я решал,
Кто кого обвел.

04.04.1989

Если я чешу в затылке
Или в заднице вожусь —
В голове моей опилки.
Не пойду сегодня к милке
И водярой накажусь.

Хорошо живут на свете
Винни-Пух и Пятачок.
Сунул детям по конфете,
Сам страдает на диете —
Он в «завязке», дурачок.

07.04.1989

Странная сказка, рассказанная перед сном

Ночь зажгла на небе серп
Тонкий, потому что молод.
Тотчас появился герб
И к серпу прибавил молот.

Эх, вместо звезд — знамена,
А вместо ветра — гимн...
Ты просиши изумленно
Все заменить другим.

Если вам все это странно —
Я опять сменю палитру:
Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана
И открыл свою поллитру.

А вместо звезд — колбаска,
Огурчики, лучок.
М-да, получилась сказка,
По-моему, ниче.

Там водка под знамена,
Селедочка под гимн,
Повсюду мат ядреный,
И мне не стать другим.
Икорочка отменная...
Кругом гербы и стяги...
Струится пиво пенное,
И к черту передряги!

Но ты закроешь глазки,
И брошу я писать.
Да ну их, эти сказки,
По-честному сказать...

16.04.1989

Если я помру невзначай —
Закопайте, братцы, в саду.
Ах, как я люблю иван-чай...
Но меня кладут в лебеду.

Будет соловей надо мной
Свиристеть вочной тишине.
У прохожих темной порой
Холод побежит по спине.

Я б подпел тому соловью,
Слава Богу — голос имел.
Но, услышав песню мою,
Соловейка прочь улетел.

Надо мной растут лопухи
И кричит в ветвях воронье.
Это за какие ж грехи
Так влачу свое житие?

Мне ответит ветер-шалун,
Мне река расскажет про все:
Мол, за те за семь звонких струн
Так тебе, чудак, не везет.

Солнышко пошлет меня на ... ,
Тучка черт-те чем оросит.
Процветай, родная страна,
Я один в тебе — паразит.

16-17.04.1989

Вот стих про Олю с Вовой и про их быт суровый

Душно,
Пищат комары.
Скушно,
Но все — до поры.
Офонарев от жары, распахну окно.

Ловко
Выпрыгну вниз.
— Вовка,
Зараза, вернись!
Я бы вернулся, но мне-то теперь все равно.

Что вы,
Я жив и здоров.
Вова — король всех дворов.
И вообще — я живу на втором этаже.
Только
Решил я опять
С Ольгой
Пойти погулять.
Как бы там ни было — мне ведь пятнадцать уже!

Кошки
В кроватках лежат.
Мошки —
И те не жужжат.
Жаль, ты не выйдешь из дома вечерней порой.

Нет,
Ты не прыгнешь в окно —
Свет
В нем погашен давно.
Пятый этаж — это, я вам скажу, не второй.

23.04.1989

Вот стих про силу воли и вредность алкоголя

Вино, пролитое на землю,
Воспрянет порослею лжи.
Вина я, к счастью, не приемлю.
Чем угостишь меня, скажи?

Достав заветную бодягу,
Щербатым ртом промолвит он:
— Не корчи ангела, бродяга!
Не пьешь вино — есть самогон.

Мы не сомкнем в тот вечер очи.
В окошке свет, на кухне газ.
Нет, мужики, здесь кто как хочет,
Но это дело не для нас.

И он, обиженный и пьяный,
Залезет пить один под стол,
А после утром встанет рано
И выпьет, сволочь, весь рассол.

Но тут же радостным восходом
Нам солнце силы возвратит.
Как гармонична ты, природа!
Я счастлив, мать твою етиш!

Я счастлив, что отверг соблазны!
Я устоял — и этим горд!
И для меня тот день — как праздник...
Сосед рыдал от наших морд.

26.04.1989

Замучен до полусмерти. Морально.
Летальный исход. И к черту врачей!
О, как все обыденно и матерьяльно!
И вроде вины в том нету ничьей.

Он не бросался под танки с гранатой,
Жил как и все, тяжкий крест свой влач,
Любил и страдал, и все делал как надо,
Но — не молчал, не молчал, не молчал!

А мне бы всплакнуть в изголовии гроба,
Распить за помин золотое вино.
Но я постараюсь, не ляпнули чтобы:
Он, верно, с покойником был заодно!

Прикрою глаза и замкну свои уши
И рот. Но я вижу во сне по ночам:
Он рядом стоит. — Ну хоть ты-то послушай!
Ведь я не молчал, не молчал, не молчал!

09.05.1989

Баллада о белом теле

Дерзновенными мечтами
Быстро крыло ввысь взметнусь,
Алчно потными перстами
Тела белого коснусь.
Вот красотка то, что надо:
Груди, пышные бока.
Не одарит даже взглядом
Борзописца-дурака.

О, любовь моя и счастье,
Не гляди угрюмо вдаль!

Сердце колется на части,
Видя тайную печаль.

Будь взаимна, умоляю,
Одарю тебя рублем,
Все пропью и прогуляю,
Лишишь бы быть с тобой вдвоем!

Говорили мне татаре,
Белы рученъки крути:
— Ты и так все пропил, паря,
Отвали ко всем чертям!

В милицейском протоколе
Расписался я со злом.
Я люблю, не знать мне воли,
Эту девушку с веслом!

Эти гипсовые руки,
Металлический каркас...
Коль возьмете на поруки,
Пью, братва, в последний раз.

10.05.1989

Песенка о двух антагонистических системах

«Чикса» на «биксу»,
«Бикса» на «кентавра».
Из блестящего жаргона

Усы часов опущены
И локоны надушены.

Я пунктуален, как заезжий сер.
Но серу это пофигу.
Куда я, к черту, убегу?
Он там живет, а я — в СССР.

У сера — во штиблеточки,
И глазки как у Светочки,
И остальное — брючки, пиджачок,
А я стою кондыбою,
Давлю прохожих лыбою.
Да лучше б на мне не было ничё!

У сера — эх, красавица,
И серу не понравится
Моя шалава в стиле «а ля рюс».
Лицо у ней скаженное
И талия саженная,
А ноги — до сих пор не разберусь.

И вот иду я с Клавою
(Ну, с этою шалавою)
Прямым проспектом Горький-авеню,
А рядом сера морда
Торчит, гляжу, из «Форда»,
Но я его за это не виню.

У них там — безработица,
На ниггеров охотятся,
И вообще, гнилой капитализм.
И я его, убогого,
На этот раз не трогаю —
Мне на хрен эти серы не дались.

Мне светил Клава фиксою
И манит «чиксой» с «биксою».
И на работе — премия, почет.
А этот, в «Форде» сереньком...
Да что у них, в Америке?
Ну что, скажи мне, Клава? Да ничё!
И Клава скажет искренне,
Прижав ногой меня к стене
И в ухо прошептав мне делово:
— Хоть и хреново там у них,
На сера все ж ты зря возник —
Здесь тоже, скажем прямо, не того...

11.05.1989

Опасная сказка

Ты опустишь руку в реку
И про Греку вспомнишь сказку,
Как сгубили человека
Не коварство и не ласка.

Эх, естествоиспытатель,
На бедняге нет лица:
Словно каверзный предатель,
Рак за руку Греку — цап!

Любопытная Варвара
На базаре раз шутила.
По всему видать — недаром
Ей полрожи отхватило.

Или — бедная Лукерья:
Отвлеклася на минутку,
Как ее пришибло дверью,
И, скажу вам, не на шутку.

Бог берег и береженых
От нечаянных событий,
И других каких пижонов,
Но не тех, кто любопытен.

Слушай сказку, слушай дедку,
Но мотай на ус при этом:
И у нас сейчас нередко
Любопытство под запретом.
Позаботятся, однако,
О твоей лихой судьбе,
Осенив нас крестным знаком,
АБВ и КГБ.

И избавят от порока,
И очистят наши души,
Вышлют в дальнюю дорогу,
Лишь бы сказок ты не слушал.

В том краю забудешь бабку
И не вспомнишь даже дедку,
В том краю и летом зябко,
И стреляют с вышек метко.

Здесь продашь за сказку душу
Кровопийцам-палачам.
Лучше б ты меня не слушал,
Лучше б я бы помолчал.

Вынет Грека свою руку,
Новый нос пришлют Варваре
И спасут Лукерью-суху —
Всех их счастием одарят...

Ну, а где же внучек с дедом?
И, хоть это интересно,
Не узнать тебе об этом
Ни из сказки, ни из песни.

14.05.1989

На крови лаваш замешан.
— Эй, кацо, кого зарезал?
Генацвале неутешен:
Так и чешет из обреза.

Вай, какой abreк горячий!
Спрячь кинжал в тугие ножны!
— Я-то ножик в ножны спрячу,
Спрятать сердце — невозможно!
Скакуна возьми из стада
И бурдюк вина густого,
Только ссориться не надо,
Путь нам лучший уготован.

Но суровы эти горы,
И пробит бурдюк навылет.
Вот развязка этой ссоры —
Полусказки — полубыли.

15.05.1989

**Трепетное послание
терпеливого мужа
законной супружнице**

Солнышко мое конопатое,
Чем меня сегодня порадуешь?
На штаны пришитой заплатою,
Или уцелевшей зарплатою?

Ягодка моя колченогая,
От тебя мне надо немногого:
На меня не злись ты, убогого,
Как и ты, козла кривоногого.

Рыбонька моя пучеглазая,
На тебя не пикнул ни разу я,
Говорил все больше про разное,
Так не будь такою заразою!

15.05.1989

По голубому небосводу
Вчерашнего дня
Я нес дурную погоду.
Держите меня!

Жара застыла кошмаром,
Но я вас спасу,
Все потому, что недаром
Живу я в лесу.

Там из гнилого болота,
Из небытия
Ползет туманом зевота
Как лента-змея.

Вы улыбаитесь криво
И дождь по щекам,
Но в вожделении, — vivat! —
Выводит рука.

Туман, немного помешав,
Растает — и все,
А вас с кривою усмешкой
Куда-то несет.

Я видел рыжие капли
Гнилого дождя
На рукоятке у сабли
Второго Вождя.

И ухмыляется рожа —
Зловещий оскал,
А приглядишься — все тот же
Дешевый фискал.

19.05.1989

**Аполитичная песенка
про четырех крокодилов,
у одного из которых был папа**

— Вам про тили-тили-тесто
Пели песню?

— Нет!

Но зато нам пели вместо
«Тили-тили-тили-тесто»
Вот такой куплет:

Жил себе, поживал
Где-то в дельте Нила
И бананы жевал
Крокодил Данила.

Жил в бреду, как в дыму,
Словом, шито-крыто,
Но приперся к нему
Крокодил Никита.

А еще был Сергей —
Крокодил тоже.
И Никите он, скорей,
Папой был, похоже.

Сын его сказал Даниле:

— Что ты ходишь, словно бич?

Выбирай-ка, или-или:

Либо будешь гнить в могиле,

Либо будешь плавать в Ниле,

Зваться — Леонид Ильич.

Но приплыл крокодил

С лысиной подкрашенной,

Звался он Михаил

И ругался страшно.

Посадил их в тюрьму,

Через хрен всехбросив,

Тут приперся к нему

Крокодил Иосиф.

Михаилу — в глаза:

— Умный парень вроде,

Но ты помнишь, что сказал

Крокодил Володя?

(Далее — пространная цитата. Т. 154, 24-е изд., стр. 792, 2-й абзац сверху, со слов «Вешать вас, не перевешать...»)

Помню, в Африке — там,

Где-то в дельте Нила,

Умный не по летам

Жил зека Данила.

Он бананы жевал

Вместе с кожурою

И давал план и вал

На-гора горою.

У Данилы — отвал,

У Никиты — тачка,

Михаилу — подвал,

Иосифу — дачка.

Там окошки блестят
При любой погоде.
Развевается стяг,
А на стяге — пустяк:
Крокодил Володя.

21.05.1989

«Белая, белая роза...»
Это — блатная песня.
Слишком мала мне доза,
Но не нальют, хоть ты тресни.

Больно уж редкий я гость,
Слишком уж мало плачу.
Бармен мне шепчет: «Набрось», —
Хлопнув слегка по плечу.

Оттоптали носки и пятки,
Я на цыпочках выйду во двор.
Не даю закурить, ребятки,
Не вяжите гнилой разговор.

«Белую розу срываю,
Красную розу топчу...»
Эх, на колесах трамвая
Жизнь в мельтешне прокручу!

27.05.1989

Сердце пылает в груди,
Мне не уснуть до утра.
Страстно шепчу: приди!
Я — твой молочный брат.

Молоко одного разлива
Пили вместе в буфете вокзальном.
Как мне хочется быть счастливым!
Я смотрю на тебя печально.

Сердце всю ночь болит,
Дрыхну на правом боку.
Ах, твой бокал разлит!
Что же, попьем чайку.

Просадил все рубли до копейки,
Но грызу за стаканом стакан.
Ты стоишь у вокзальной скамейки
И глядишь на меня, дурака.

Видишь — беру бутылку.
Видишь — еще глоток.
Прячешь в губах ухмылку,
В серых глазах — холодок.

Санитары валили наземь,
Хоть не сделал я им ничего.
Все нормально, вот только, разве
В драке лопнул пузырь.

27.05.1989

Солнышку рад. Бронзовеет загар.
Тело лелею. Мышцы играют.
Только вот жаль — в голове ни фига.
Мысли, как мышцы, вовсю выпирают.

Хлопну рукою, притопну ногой,
Бицепсы тихо гуляют под кожей.
Ты же не можешь понять одного:
Я ведь не робок, я — осторожен.
Мощный рельеф мой осмотришь с тоской,
Скажешь в глаза, аж обидно до слез:
— Вечно ты так: то рывок, то наскок.
Только и любишь, что грубый свой торс.

28.05.1989

Однажды тихими шагами
Войдет в мой дом патлатый дед
И над олеными рогами
Повесит молча свой портрет.

И гости, каверзу почував
И выпад в адрес спящих масс,
Произнесут, меня бичуя:
— Зачем тебе на стенке Маркс?

Мне от бессонницы не скрыться,
И наяву, а не во сне,
Приходит мой печальный рыцарь
На старом высохшем коне.

Он не ответит на вопросы,
Он не посмотрит на портрет,
А, на меня уставясь косо,
Проронит искренний совет:

— Хоть путь к познанию истин долог —
Будь проклят тот иконостас!
Хоть Маркс — хороший идеолог,
Но, право слово, не для нас...

А призрак бродит по Европе
То взад-вперед, то сверху вниз.
И марков час в Европе пробил,
И призрак этот — коммунизм.

Мне снится, или в самом деле
Блазнится мне тот странный свет?
Меня найдут в моей постели,
А над рогами — мой портрет.

07.06.1989

Профориентация

На листе простой бумаги
Я рисую синий дом,
Над крыльцом алеют флаги,
И написано на стяге:
«Человек велик трудом!»

— Это, верно, наша дача?
Угадала или нет?

От досады чуть не плача,
Я сказал, рисунок пряча:
— Это, мама, сельсовет!

Нарисую я лошадку
На зеленом на лугу...
Вот опять беру тетрадку,
И скорее для порядку
Снова к мамочке бегу.

Скажет мама (вот бедняжка!):
— Это папин Артемон? —
А в руке большая чашка.
— Это сельская коняшка!
Дзинь! — раздался чашки звон.

Ну а после целым домом
Будут вместе обсуждать:
— Сын мой станет агрономом!
И — соседей дружный гомон...
Как бы папе все сказать?

Но, отбросив все вопросы,
Скажет папа сквозь усы
(Голос сиплый, как с мороза):
— Председателем колхоза,
Но никак не меньше, сын!

10.06.1989

Байка про камень

И где они, заразы, откопали этот камень?
Мы смыли грязь и надпись прочитали.
— Эге, братва, неплохо бы сходить за мужиками! —
Сказал дружок мой, Ключников Виталий.

А на камне написано, словно закон,
Словно заповедь черт его знает кого,
Например: «С глаз долой — так из сердца все вон!»,
Или: «Примешь ты смерть от коня своего!»

И было это странно нам и как-то невдомек,
Полдня мы хороводились вокруг замшелой глыбы.
Ну, хоть бы знак какой! Ну, хоть бы маленький намек!
А разгадай ту надпись, то, наверное уж, мы бы...

И блазнились нам райские кущи в цветах,
Где у каждого — дом, телефон, кабинет...
Тут какой-то прохожий (как видно — в летах)
Дал толпе обалдевшей хороший совет.

Затылки почесали мы и, словом, от греха
Обратно закопали эту странную громаду.
Как следует засыпали — да так, чтоб на века.
Да что нам, больше всех, в конце концов, чего-то надо?

Разошлись по домам, ну, а после сам
Размышилял, отыхая от этой возни:
Это ж надо, какой-то чудак написал...
Прочитать и забыть. Так ведь нет, черт возьми!

11.06.1989

О роли аксессуаров в творческом процессе

Как-то «Очерки бурсы»
Я писал, надев трусы.
Если б брюки я надел —
Я б не то еще сумел.

Кто ответит? Кто подскажет?
В чем секрет, скажите мне?
Антон Палыч Чехов даже
Был при шляпе и в пенсне.

А у нас: сидишь на кухне,
Без штанов, совсем один.
Голова с похмелья пухнет
И рубашки не найти.

Если б мне очки какие,
Или трубку, или трость...
Потому-то, мужики, я
Не жилемец, а так, лишь гость.

Стопку горькую хватил
И пишу «Войну и мир».
И мечтаю о лафе:
Лев Толстой был в галифе.

11.06.1989

И что мне этот муравей под синей елью,
Когда мне самому им стать нельзя?..
И я встаю, окинув взглядом муравейник
И отрывая от него свой голый зад.

А солнце скрылось за холмами и лесами,
И соловей запел мотивчик свой простой.
Гляжу на мир я муравьиными глазами,
И пахнет попа муравьиной кислотой.

14.06.1989

Песенка нерожденного человека

По хвойным тропинкам идти и идти,
Травинки срывать не спеша,
Шагать, выбирая любые пути,
Неважное что-то решать.

Ах, если бы ноги приделал Творец
И руки бы мне прирастил,
То я по земле из конца бы в конец
Пешком бы все избороздил.

Ах, если бы видеть и слышать я мог:
Ни глаз, ни ушей нет, как нет.
И нет ничего... Потому, дай-то Бог,
Чтоб я появился на свет.

Земные науки освою сполна —
Меня только надо родить.
О, как я хочу от утра до темна
По хвойным тропинкам бродить!

14.06.1989

Красивая песенка, помню, была,
Не раз ее пели с тобой,
Когда, позабыв про земные дела,
Мы бегали слушать прибой.
Пыхтел и дымил пароход вдалеке,
Холодный гудел парапет,
И мы нагищом (так сказать — налегке)
Такой напевали куплет:

Черное море, Черное море,
Маревом пышущий пляж.
Я тебя, море, с кем хочешь поспорю,
Переплыву — и шабаш!

Случайная встреча. Как годы летят!
И вот мы на пирсе опять.
Блуждает по морю взволнованный взгляд,
Я больше не в силах молчать.

А голос не тот уже: как ни крути,
Прошло ого-го сколько лет.
Но тут с парохода раздался мотив
И вспомнил я давний куплет:
Черное море, Черное море,
Ты — мой лавровый венец!
Я тебя, море, с кем хочешь поспорю,
Выпью до дна — и конец!

Годы уходят седым кораблем,
Море выходит в астрал,
И не вернуть их заветным рублем...
Ты не была, как сестра.

Нет парапета, загажен песок,
Трюм превращен в туалет.
Выйду один на прибрежный мысок
Прошепелявить куплет:

Черное море, Черное море,
Как ты сегодня ненастно!
Все же ты, море, с кем хочешь поспорю,
Мне по колено — и баста!

23.06.1989

Я расфасован в миллион упаковок,
Я размалеван на длинных щитах...
Так и живу в этих странных оковах,
Не понимая себя ни черта.

И позолоту вчерашних улыбок
Тут же напомнит багровый укус.
Я бы от боли крутился и прыгал,
Только мешает невидимый груз.

Вижу во сне голубые планеты,
Льется с небес раскаленный металл.
Чудится спящему, словно я где-то
В этих местах наяву пролетал.

А мне бы вспомнить,
А мне бы проснуться,
Но нет — и вправду лечу...

21.07.1989

Под куполом цирка, под куполом цирка
Я б дико крутился и зубом бы цыкал,

А дядя Сережа и папа Андрюша
Кричали бы снизу: «Валера, послушай,

Ты что вытворяешь с трапецией шаткой?
Зачем ты по проводу скакешь лошадкой?»

И крикну я им, улыбаясь: «Видали!» —
И брошу им горсть шоколадных медалей.

И дядя Сережа промолвит сердито:
— А твой-то Валерка совсем стал бандитом.

А мама Ирина, что молча глядела,
Промолвит им тихо: «А вам что за дело?!»

Я прыгаю вниз — и уже на полу я,
И с радостью маму свою я целую,

А папе бросаю: «Ну, что за придишки?
Ведь мы так давно с вами не были в цирке!»

И снова промолвит Сережа сердито:
— Послушай, Валерка, ты вырос бандитом!

И я намекну им довольно туманно,
Что дядя Сережа был в детстве душманом.

Возьмет меня папа за правую руку,
А дядя Сережа за левую ногу:

За то, что я выкинул дерзкую штуку,
Они вместе с мамой мне всыплют немного.

А цирк гоношится — ему что за дело!
И вновь я под купол стремлюсь оголтело...

29.07.1989

На пляже Аттики (история, которую я хотел бы забыть)

Ты вспомни о бедном Икаре. Над Аттикой пенной
Кружились, покорные ветру, гусиные перья.
А мне говорили: послушай, нас ждут перемены!
Но я в перемены, как в перья над морем, не верю.

Послушай, послушай, я видел своими глазами,
Как волы срыгнули его на прибрежные камни,
А после с досадой холодные пятки лизали,
Уныло вздыхая — наверно, о жертве недавней.

А я-то, чудак, улыбнулся сначала: «Счастливый!
Его не коснутся теперь суэта и дешевые бредни».
Лишь позже, хитон свой испачкав в кровавом приливе,
Я вспомнил с тоскою о том, что случилось намедни.

Послушай, послушай, ведь надо ж такому случиться:
Я струсил, я плонул на все и умчался в испуге,
Оставив Икара на мокрых булыжинах биться
И тонкие ногти до крови срывать от натуги.

29.07.1989

Сколько кайфа ни лови —
Трудно жить без се ля ви:
Вмig в зобу сопрет дыханье
И загнешься без любви.

Или вот еще лафа:
Тяжко без шерше ля фам,
Но такие настроенья
Неизвестны, верно, вам.

И судьба всегда слепа,
Потому-то, пур куа па,
Где ни плонь — кругом мон шеров
Офигенная толпа.

08.08.1989, Новый Кувак

Я стою, от счастья млея,
Синий ворот теребя.
Кто на свете есть милее
И прекраснее тебя?

И не верь чужим наветам,
Разлучить готовым нас,
Что кому-то я все это
Говорил уже не раз.

Был ястроен, был я весел,
Девки были без ума.
Знал я уйму гарных песен!
А теперь — смотри сама!

Как умру я — не заплачут,
Оживу — не вознесут.
Не с того я что-то начал...
Слушай, как тебя зовут?

08.08.1989, Новый Кувак

Сон победителей

...а пока

Спят победители праведным сном,
Велено их не тревожить до срока.
Ждет их, усталых, хмельное вино,
Странные встречи, шальная морока.

Сонно бормочут они до поры,
Комкают простыни, сучат перины.
Больно кусают им грудь комары,
Сонмы клоповьи терзают им спины.

Кто-то стирает им пыль с сапогов,
Поит коней родниковой водою.
Грезят во сне у чужих берегов
Новой резней и чужою бедою.
Делят трофеи, кромсают паи
Всадник седой и потрепанный лучник.
Ох уж мне эти победы, бои!
Всех оловянных солдатиков в кучу

Сгреб я в сердцах...

09.08.1989, Новый Кувак

Грустный сон в зимний вечер

Выюга крошил манной кашей —
Наедимся власть!
Только с голодухи нашей
Как бы не упасть.

Тают пресные снежинки
Каплями во рту.
Замело кругом тропинки
Ажно за версту.

Зажигает зимний вечер
Звезды над трубой.
Закусить снежинки нечем
Нынче нам с тобой.

Ты заснешь, как медвежонок,
Сунув лапу в рот.
Выюга в лес завороженный
Снега наметет.

И во сне тебе приснится,
Как уходят вдаль
Длинной-длинной вереницей
Грусть, тоска, печаль.

Снег в лесу — и вправду каша.
Льдинки — леденцы.
Мы с тобой зимою, Маша,
Отдадим концы.

10.08.1989, Новый Кувак

Счастье вот оно — Фортuna
(Тьфу ты, пропасть! Тьфу ты, черт!):
Как гитарой семиструнной
Сердце-душу припечет.

Чуть замешкался в кармане,
А оно уж тут как тут:
Рассмеется и обманет,
Не пройдет и пять минут.

Закружит-закуролесит,
Наворотит — разгребай!
Сколькоих с жибу перебесит,
Сколькоих бросит под трамвай!

И оставит, скрывшись в буре,
Затерявшись вдалеке,
Вам — царапину от пули,
Мне — помаду на щеке.

22.08.1989

Ах, где ж вы, ножки,
Ах, где ж вы, ручки?
Кто — в неотложке,
А кто — в отлучке.

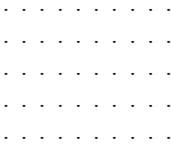
А где же глазки,
Другие члены?
Прошли те таски.
А сами где мы?

Как душу гложет —
Свербит, томится.
Тут нам поможет
Лишь заграница.

Там глазок хватит,
И ножек — тыщи.
Лежу в кровати,
Коплю деньжищи.

23.08.1989

Еще одна пьеса без начала

V акт

ПРИДВОРНЫЙ: Довольно, Принц, валять вам дурака!
Уж всем изрядно надоели ваши
Причуды, а особенно — стихи.
Доколе будете писаньем недостойным
Смузгать умы почтенных горожан?

ПРИНЦ: Взгляните, сударь, не кажется ли вам, что это большое облако похоже на замок нашего соседа Пински, а если к нему приделать рога чуть выше центральной башни, то это будет обыкновенная птица Бхапуту?

ПРИДВОРНЫЙ: Осмелюсь вам заметить, милый принц,
Что деды ваши славно воевали.
Отец, великий Стим-гомеопат,
Был бит неоднократно в страшных битвах,
Но тоже слыл отменным храбрецом.
Стыдитесь! Нет, чтоб резать и колоть,
Иль раздавать затрещины придворным —
Вы пачкаете стол, грызете перья,
Без меры переводите пергамен!
И это Принц! Наследник по прямой!

ПРИНЦ: А правду говорят, что когда долго смотришь с крутого берега на быстро текущую воду, то там, в потайных затонах, можно разглядеть русалок, которые широкими гребнями из осетровых ребер расчесывают свои волосы-водоросли, поблескивая мелкими чешуйками, отражающими неведомо как попавший туда солнечный луч?

ПРИДВОРНЫЙ: Все решено! Прощайте, Принц! Вы сами
Себе свой подписали приговор.
О, бедная, несчастная страна!
Вот избавленье!

(Кричит через плечо, отшатнувшись на пару шагов от Принца.)

Все сюда, скорей!

(В дальнем конце зала от темных колонн отделяются несколько фигур. Лиц не видно. Блестят клинки, выхваченные из-под плащей.)

ПРИНЦ: Все мы когда-то были одуванчиками. Вы не обращали внимания: если в палящий полдень откинуться на одуванчиковой поляне и так, беззаботно валяясь на желтой перине, переждать зной, то можно услышать, как седые доброхоты учат желторотых юнцов жизни, изредка сбиваясь на философские мудрствования. Или вот еще один аспект тех неразрешимых проблем, которые не дают покоя вот уже доброму десятку поколений романтиков и бузотеров: верно ли утверждение античных авторов, что наша жизнь — это... это... Ах!

ПРИДВОРНЫЙ: Все кончено! Идемте к королю.
Скорей всего напился, негодяй,
Или третирует публичный дом, пройдоха.
Принц умер, и да здравствует король!
Ужо повеселимся...

ВСЕ: Чах-ча-ча!

Занавес. Свет

Вахтеры будят оставшихся зрителей.

27.08.1989

Пять хайку о женщине

Ветка сирени задела лицо.
Пахнет твоими духами, любимая.
А могло бы и выбить глаз.

Ветер протяжно воет в водосточной трубе.
Как не похож он на твой нежный голосок!
Хватит выть! Где гуляла, там и спи!

Здравствуй, подсолнух — ароматное солнышко!
Каждым лепестком ты напоминаешь о ней.
Терпеть не могу эту рябую рожу!

В мокром лесу смахнул паутинку
Липкую, словно твои объятья.
О, Гименей, как мог я так ошибиться?!

Бабочка села на плечо.
Хорошо в деревне летом.
Растут цветы на твоем могильном холмике.

07.09.09.1989

Водопроводная записовка

Прижмусь щекою к батарее —
Дарит тепло чугун и сталь.
Твоя душа меня не греет —
Так грей меня, теплоцентраль.

Струится H₂O по трубам,
Крутой клокочет кипяток...
Не будет танцев нынче в клубе:
Я вентиль закрутить не смог.

12.09.1989

Восток озарился лучами свободы,
И землю пригрело, оттаяла грязь,
Полезли доселе невсхожие всходы.
Ура! Наконец-то заря занялась!

Но хмурится лоб, опускаются руки,
И рот искривился, готовый сказать:
«Свободы желаете? Нате вам, суки!
Держите ее, попытайтесь вязать!»

Но нет, мы опустим тяжелые шторы
И сделаем так: головою в песок,
Покуда свобода не скрылась за горы
И солнце не село за дальний лесок.

Улягутся страсти и пена осядет,
И тут уж не в силах мы чем-то помочь:
Закатится солнце и за море сядет
Свобода, что Западу светит всю ночь.

13.09.1989

— Так-так-так, — говорит пулеметчик.
Пулемет отвечает не в такт.
Пулеметчик наш коников мочит,
Пулемет же опять: — Как-как-как?

Что за странная эта наука,
Тут и черт ни черта не помет.
Пулеметчик кричит: — Ах ты, сука!
— Сам ты кобель! — кричит пулемет.

Рвет гашетки, льет воду под кожух,
А в ответ — только пули и пар.
Тот не хочет, а этот не может
Избежать этих распрай и свар.

Кончен бой, не гремит канонада,
Пулеметные ленты пусты,
И не рвутся шальные снаряды,
Тихий ветер колышет кусты.

Отстрелялся — и кончились споры,
Отстрелял — и закончен рассказ —
Тот, по сути и смыслу который
Не про вас, а всего лишь — для нас.

13.09.1989

Семь куплетов ни про что

То ли броситься под поезд,
То ли — свечкой — из окна.
Затяну потуже пояс:
Эх, прощай, моя страна!

Верю, верю — не вспомянут.
Знаю, знаю — не заплачут.
Коль со смертию так тянут —
Жизнь для них хоть что-то значит.

То ли петь с церковным хором,
То ли вариться в науку?
Жизнь сердитым кредитором
Мне вынашивает муку.

Часто верю: вспомнят, гады.
Только знаю: вряд ли вспомнят.
Ну и пусть, ну и не надо!
И помру, никем не понят.

То ли к жизни я тянулся,
То ли жить не получалось.
Я к окну в сердцах метнулся,
Но, увы, помешкал малость.

Вижу — толстые решетки,
Бот и пригнуть не решился.
Так чего ж тогда я, все-тки,
Шесть куплетов гоношился?

То ли рвать с житухой — глупо,
То ли — смысла в жизни нет.
Может, просто сесть, и тупо
Написать седьмой куплет?

15.09.1989

**Песенка горбатого, слепого, немого и глухого,
которого вознесли, чтобы унизить,
и унизили, чтобы тот вознесся**

Вот меня, горбатого, исправили.
Вот меня, слепого, обнадежили.
Это не в моем, поверьте, правиле,
Но приму я милость. Вот ведь дожили!

А потом меня, глухого начисто,
А затем меня, немого наглухо,
Обратили вмиг в иное качество,
Превратили враз в простого лабуха.

И в руках моих играет скрипичка,
И душа моя прижата скрепочкой,
И хожу я, панинка, на цыпочках,
И пою писклявенько, как девочка.

И ведь будто сердце в струны вложено,
И скрипит смычок бычком на вертеле,
И пою я, вроде, как положено,
Только все не так, друзья, поверьте мне!

Что же я пищу, как кур обваренный,
Что же я играю гимны Божие?..
Но меня ж, убогого, заставили!
Так что зря кричал я: «Вот ведь дожили!»

19.09.1989

**Разухабистая сказка,
для которой у меня не поднялась рука написать
конец**

Король был умник и хитрец,
Затейник и лихач,
И с ним любая б под венец,
Но он — ни с кем, хоть плачь.
Рубил, не думая, с плеча,
Суров был к стервецам,
И весь дворец порой торчал
И враз сходил с лица.

И шут, пошляк и балагур,
Жил-был в те времена.
Он перепортил столько дур,
Что гроши вам всем цена.

Союз подобный, черт возьми,
Сам черт не разберет,
Но только славными людьми
Считал их весь народ.

*

Дадим фантазии простор,
Гадайте, кто как хочет,
А то такой пойдет сыр-бор —
Не хватит многоточий.

И снова сказка без конца,
Хотя полно чернил...
Король разыгрывал отца,
А шут разврат чинил.

26-27.09.1989

**Теоретические изыскания о счастии и благодати
или
как достичь того и другого посредством чего-либо**

Не в духе вождь гуронов Мануок:
Дожди размыли злаки, и поля,
Киша червями, исторгая смрад,
Нам не дадут надежд на урожай.

Вот фермер из Огайо, Юджинн Смитт,
Терзается сомнениями в ночи:
В цене упала нынче кукуруза
И куры не несутся третий день.

Иван Петрович встал с опохмелы,
И по причине, всем вполне понятной,
Не вспомнил, бедный, сколько ни пытался,
Куда он дел колхозную зарплату.

А я стою, задумавшись, на кухне,
И в холодильнике воняет колбаса.
О, люди, как же суэтны все вы!
Кричу в окно: «Эх, мне б проблемы ваши!»

Гулоны, фермеры, Иван Петрович, я,
А также пролетарии всех стран —
Случись у вас всемирный коммунизм,
Сказали б все вы облегченно: «Уф-ф!»

05.10.1989

Одностишия

Да если бы не эти костыли...

*

Поверь, ты зря на облако пенял...

*

Отрекся? Где ближайшие кусты?..

*

Вот мельник с поварихой... Тьфу ты, блин!..

*

In vino veritas. Но тары нет, увы...

*

Я — Николай II. Снимай кольцо...

*

Обмылок хуже целого куска...

*

За то, что ручку не позолотил...

06.10.1989

Рифмоманипуляции для левой руки (упражнение)

Хорошо быть умником,
Но нужнее — схимником.
Кто хвалился нужником —
Будет спать под ватником.

Ну, зачем быть схимником,
Забавляясь с ватником?
Кто считался умником —
Будет жить под нужником.

06.10.1989

Сюрреалист

Отринув постылую обыденность,
Он лепит некие формы,
Едва ли в своем таинстве
Доступные всем.
Капли синей краски дрожат на ресницах
И
Желтой краской перепачкана бровь.
Все: «Вздор!»
Все: «Блеск!»
А один: «Что есть сие?»
А он: «Сюр».

07.10.1989, Димитровград

Патрикей тяжелым взглядом
Обозрел гнилой забор
И увидел там, за садом,
Брата Никодима двор.

Красные наличники,
Синий палисад.
Бравые станичники
Мелом красят сад.
Муравьи не станут боле
Ползать выше полосы.
Никодим тайком в подполе
Скалит зубы сквозь усы.

Патрикей вдогонку
Тянет свой стакан:
«Снова самогонку
Будешь гнать, братан?»

Сливы, яблоки и груши
Бродят в бочке третий день.
Никодим клубнику кушал
И лелеял свою лень.

Бравые станичники
С яблоней опали:
«Были мы отличники,
А теперь — в опале».

07.10.1989, Димитровград

Когда на улице морозно,
А на столе — халва и чай,
Ей-богу, братцы, несерьезно
Внимать речам —
Вливать печаль.

Свет лампы падает на лица
И полумрак творит интим.
Уж три часа, а все не спится —
И не хотим.

08.10.1989, Димитровград

Наглядный пример того, как сон переходит в явь
(ироническая зарисовка)

Вы каплей скользите по краю листа,
Смеетесь в блестящей сети паутины,
А я от волненья дышать перестал
И все позабросил на миг на единый.

А вот я и сам копошусь под корой,
А Вы — длинноносая, зоркая птица.
Вы чистите, щиплете клювом перо,
Желая в меня, насекомого, впиться.

Не скрою, родная: я тот еще жук.
Я — самая странная в книге страничка.
И ты усмехнешься и скажешь мне вдруг:
— Не тешь себя, милый. Я — та еще птичка.

10.10.1989

Рифмоманипуляции для правой руки (упражнение)

Не злодей, но какая разница —
Все равно умерла посадница...
Тут бы в рифму поставить «дразнится»,
Но пишу, ухмыляясь: «задница».

Не дурак, но страдаю искренне,
Потому как другие — умники.
Тут бы вставить чивой-та в рифму мне,
Но на слово «умники» нет неприличной рифмы, блин.

14.10.1989

Охотник

У быка-дурака
Нет опоры пока:
Вот поднялся, от злобы набычясь.
Видно чует, стервец,
Что приходит конец
И что станет он чьей-то добычей.

Я ружье заряжу
И быка уложу
В неудобной, надломленной позе.
За охоту — призы:
Свежий бычий язык
И жаркое из печени после.

В этих страшных лесах
Достаю я тесак
И к быку направляюсь, довольный.
Бык кровавит слюной
И трясется спиной —
Зверь, когда-то здоровый и вольный.

Наклонился над ним
И ударом одним
Полоснул по клокочущей шее.
И ликующий взор
Озирает простор:
Кто на этот раз будет мишенью?

14.10.1989

Рифмоманипуляции для обеих рук
(пока тоже только упражнение)

Унцию за унцией поглощаю пунш.
Музыканты пьяные заиграли туш.
Повара ругаются, ковыряя фарш.
Сочиняю песенку, доедая борщ.

Дядя после праздника вспоминает фронт
И, ругаясь матерно, щеткой драит хром.
И кричала тетушка: «Слушай, старый хрен!
В это воскресение вместе сходим в храм».

Раз в лесу мне встретился высоченный граб,
А под этим деревом — неизвестный гриб.
Съел его немедленно — был я слишком груб,
И из граба-дерева мне срубили гроб.

17.10.1989

Порешили Нахамкина Мишку,
Не сложилась злодейка-судьба:
Сняли с Мишки пиджак и манишку,
Прислонили его у столба.

Гражданин, не суди очень строго
И злодейку-судьбу не вини,
Умоляю одно: ради бога,
В ГПУ поскорей позвони.

Был Нахамкин ворюга в законе,
Сбились с ног стукари-мусора,
И Нахамкина в злачном притоне
Раз почикали на два пера.

Как на Тишинском брали мы кассу,
И на стреме наш Мишка стоял,
Но устал, отвалился «на массу»,
И патруль всех финтов повязал.

Изблаталился, ссучился Мишка,
Не признав за собою вины...
И не греет уж Мишку манишка,
И пылятся на Мишке штаны.

Фраера, не қрапайте депеши,
Уважайте суровый закон,
А не то будем, суки, вас вешать
И на люстрах спускать из окон.

23.10.1989

От тысячи тысяч историй
Устав, прикорнешь на плече,
Но сон тем событиям вторит
Все в том же нелепом ключе.

И нет уже сил разобраться,
О чем же тут, собственно, речь,
И нас от таких ситуаций
Не в силах никто уберечь.

Склонились косматые патлы
На сонное лоно лица...
Вы все перепутали, падлы,
И нету несчастьям конца.

24.10.1989

Напрасно я колено преклоню,
Смущенного поднять не в силах взгляда...
Ну, а пока — тянись рукой к огню.
Что, обожгло? Вот так тебе и надо!

Зашифровав в нелепой аллегории
Все то, что накипело на душе,
Играй, глупец, в растрепанное горе
И счет веди всех бесполезных жертв.

26.10.1989

Не брани меня, гурмана,
Режь кусочек пожирней!
Где стоит твоя сметана?
Эй, компотику налей!

Обожаю я бифштексы,
Квасу арию пою,
И условные рефлексы
Мне покоя не дают.

Кто бы вас обезусловил
Или попросту унял?
Не ловите вы на слове
Обожратого меня!

Славься, окорок печеный!
Я с бутылочкой винца
Дотянуся, обреченный,
До тернового венца.

Эти щеки, эти руки
Хороши, ядрена мать!
Только жаль, христовы муки
Мне, обжоре, не принять.

Я б сорвался непременно
С деревянного креста,
Но и на кресте, наверно,
Я бы жрать не перестал.

26.10.1989

Дорожная песенка конформиста

Пусть простят меня за неровность строк
И за вычурность мыслей изложенных,
Но иначе я просто никак не мог,
Да и, впрочем, не знал — как положено.

Я шагал без дорог, не жалея ног,
Не успев по пути оглядеться,
Но иначе я просто никак не мог,
Да и некуда было деться.

Убери клинок, заплети венок,
Протяни мне руку, приятель,
Ведь и ты иначе никак не мог:
Соглашатель — не значит предатель.

11.11.1989

тебе, Шустрилка

... Сиречь шмакозяврики.
По зеленому полю лба:
От переносицы — к пупку.
Последний десант отгревшего сезона.
А я и знать не желал
После всех этих перипетий:
Вот, мол,
Существуют —

Такие, знаете ли, прожорливые,
Ворчливые,
Но спят много и жить не мешают.
И тогда я решил:
Лето!

14.11.1989

Я был красив,
Как десять миллионов эфиопов,
Согнанных воедино
На сбор хлопка.

Ты гладила мои курчавые волосы
(— Нет, это была русая плешь!),
А я самозабвенно целовал твои руки.
(— Ты даже боялся взглянуть на меня, сморчок!)
ЭТО случилось в одну из ноябрьских ночей —
Промозглых, неуютных, слепых.
(— Я тебя выщепила в нашей столовке
И сказала: «Верни трешку!»)
Ты небрежно махнула рукой
И промолвила,
Не силясь подавить скуку:
«Десять миллионов эфиопов
Не бывает».
Такостоял я
Один
До рассвета
Под колючими порывами ветра,
А перед глазами все стояла
Твоя ехидная усмешка,
Мелькнувшая напоследок
В уголках губ.
(— Когда ты вернул мне деньги,
Опять перезаняв у кого-то,
Я буркнула «давно бы так»
И умчалась по делам,
Показав тебе язык на бегу.)

14.11.1989

Не впадай в тоску без меры,
Не кручинься без причины —
Это все дурные нервы
Лепят лишние морщины.

Ты ни пряником печатным,
Ни свинчаткою в кнуте
Мне не сделаешь приятно,
Даже если б я хотел.

15.11.1989

Послушайте, не кажется ли вам,
Что все, чем вы когда-то занимались,
Чему себя дарили без остатка
И что считали всей сутью сути сутиной —
Все это вздор?
Вот тут товарищ мне подсказывает: фигня.

Всю жизнь корпишь, терзаешься, потеешь,
И вдруг придет какой-то умник дошлий,
Расставит все по полочкам, и место
Укажет тебе, и мне, и, вон, ему.
И крикнуть хочется: «Кибитка русским!»

А я-то все гадал: что там за крики
Терзали слух когда-то по ночам?
И вот проснешься, и уснуть не можешь,
Ворочаешься, думами томим,
А это всего лишь
Жизнь чья-то сломана
И свет в конце тоннеля
Померк.

16.11.1989

Король воскликнул: «Амба!
Лумумба! Кукарямба!» —
И вдаль по коридору побежал,
Поскольку королева

Вчера пошла «налево»,
Пока он на кровать возлежал.

Придворные и слуги
Танцуют буги-вуги,
А он, дурак, все скакет по дворцу.
Отведав вермишели, Воскликнул: «Неужели?» —
И стукнул королеву по лицу.

Все знают: в Старом Свете
Не сходят штучки эти.

У нас же — сколько хочешь колоти.
У нас ведь как ведется:
Лупщем, чем придется,
И знать об этикете не хотим!

17.11.1989

Шарманка

Сыграй мне, шарманка, о жизни счастливой
Такой неназойливый, светлый мотив!
Но крикнет шарманщик в ответ: «А пошли вы!» —
Тем самым мне жизнь на чуть-чуть сократив.

Играй, играй мотивчик забытый,
Пускай запетый, пускай забитый,
Из такта в тakt его повторяй —
Играй, прошу я тебя, играй!

Отставит шарманщик шарманку в сторонку,
Монеты стряхнет в заскорузлый карман,
И скрипнет шарманка тоскливо и тонко.
О чём она плачет — судачить не нам.

Играй, играй, сшибая монеты,
Согласно моменту слагая куплеты.
И пусть все твердят, что это мура —
Играй, прошу я тебя, играй!

Но счастьем шарманка одарит едва ли,
И ты ее пропил, спустив ни за грош.
И новый шарманщик стоит на бульваре,
Шарманкой твоей веселя молодежь.

Играет мотивчик забитый, запетый,
Все так же с прохожих сшибая монеты.
И ты не уснешь в слезах до утра:
«Играй, прошу я тебя, играй!»

17.11.1989

оду пою
трактору многолошадному
землю рыхли
сей разумное доброе вечное
каждый сам кузнец своего счастья
а ты трактор своего счастья
солнце еще не взошло
ты уже в поле
и так от зари до темна
железный мотор поглощает солярку
вот идеал
завидуйте гордитесь
подражайте
уж лучше соляру
чем
водку одеколон клей
есть еще травка и «машинка» с начинкой
да
женщины тоже зло
оду пою
трактору многолошадному
он свой парень и не подведет
славься

30.11.1989

Он играл с любовью —
Любовно и любя,
А тем более —
Никому не хотел сделать больно.
Любу любвеобильно любил.
— Люба! — кричал. — Люблю тебя!
Люба в ответ ему: — Довольно!
Он и не знал, что всего лишь тешится.
Ей же — хотелось тепла,
И чтоб до тла,
И чтоб совесть не жгла,
А было все чисто.
Пусть не как в сказке,
Но хотя бы — как на экране.

Он ничего не хотел понимать
И ранил,
Тиранил,
Таранил.
— Люба! — кричал. — Люба!
Она подставляла губы,
Тянула руки —
Навстречу, вся, всеми фибрами.
Он был грубым.
А ей хоть чуть-чуть тепла
Хотелось.
И не тлелось ей, а горелось.
Осталась одна зола.
А он все кричал
(И Тоне, и Рае, и Вере):
— Люба!

30.11.1989

Баллада о мертвом космонавте

Пылинки вечности,
А может
Попросту частицы астероидов, метеоритов (да мало ли!)
Отражаются в зеркальных глазницах.
Кто ты,
Мертвый космонавт,
Бороздящий пыльные просторы
ЧУЖОГО КОСМОСА?
Бога нет,
А значит,
Нет и вер.
Не ВЕРЫ вообще,
А веры в то,
Что кто-нибудь когда-нибудь
Решит эту замысловатую задачку
С тремя неизвестными
Космонавтами.
О судьбе двух первых
Не стоит и гадать.
То, что они были — всего лишь предположение.

Пусть их даже не было,
Но это
Не скрасит горечь третьей потери.
Скафандр изъеден ветром ЧУЖОГО КОСМОСА,
Каменные руки раскинуты в вечном полете.
Отблески
На фотохромном гермошлеме
Не позволяют разглядеть лицо.
Быть может,
На нем навсегда
Застыло выражение высшего блаженства,
Вызванного осознанием того,
Что ты остался один на один
С пространством под названием НИЧТО?

Не в том беда,
Что неоткуда ждать помощи,
А в том счастье,
Что ты наконец-то СВОБОДЕН.

03.12.1989

О, мистерия грез!
О, феерия чувств!
Захлебнувшись от слез,
Дикой прерией мчусь.

Я — скакун и ездок.
Я — беспечный стервец.
Я — птенец и гнездо.
Я — творенья венец.

Голубой небосвод...
Бронзовеет закат...
Напряженно ревет
В отдалены река.

Я — ее берега.
Я — ракита над ней.
Здесь я буду богат
До скончания дней.

Там, за далью степной,
За ковыльной строкой,
Пусть сольюсь я с шальной,
Полноводной рекой.

Мы — расщелины скал,
В небесах облака.
Мы — густые леса.
Ты — шальная река.

15.12.1989

Поезд погорельцев

Поезд мчится по встрепанным рельсам,
Километры присвоив себе.
В этом поезде мы, погорельцы,
Убегаем от давешних бед.

Только где там! Не скрыться, не скрыться
Нам от всех предстоящих потерь.
И грустны наши серые лица —
И потом, и всегда, и теперь.

За окном пролетают пейзажи:
Реки, степи, а также леса.

Не рассмотришь их все, если даже
Будешь плятиться вдаль с полчаса.

А в вагоне уютно качает
И в порядке всегда туалет,
Пассажиры напоены чаем
И разложен пасьянс на столе.

Скалит зубы фуфло-проводница,
Чемоданы стоят на полу...
Как мне тошно смотреть в эти лица,
Что навечно припали к стеклу!

Вот вокзал. На себя не похожи,
Мы глядим из вагонов на мир:
На окошках расплющены рожи —
Ветераны сгоревших квартир.

15.12.1989

На гербе нарисую зеленого цвета корову,
В головах у ней — желтая в синюю крапинку птица.
Вы герба никогда не видали такого второго.
Я уверен. А впрочем, я тоже могу ошибиться.

Цвет зеленый — здоровье и море успеха.
Желтый цвет — устремленности дельная жилка.
Синий — юный задор и хранилище смеха,
А корова и птичка — всех этих достоинств копилка.

Ни коня, ни меча —
Только герб на щите.
Я от счастья кричал,
Я свободы хотел.

Если б все, что я сам
Сочиняю, сбылось,
Я б не только плясал —
Я и пел бы, небось.

И поэтому я все рисую, рисую, рисую,
И гадаю потом на досуге: к чему бы все это?
И хоть близко копаю разгадку, такую простую, —
Мне не скажут ее, даже так, тет-а-тет, по секрету.

18.12.1989

Рассыпались грозди багряных рябин,
Ты зря собирал их и галок кормил.
Я вскинул неспешно литой карабин
И желтым огнем весь букет опалил.

Ты криво лежал, напоровшись на сук,
Сжимая в руках засыхающий лист.
Все те, кто трясет здесь рябины в лесу,
Все, кто просто так ковыряют в носу,
Зову вас: сбегайтесь на галochий свист!

21.12.1989

Не качай головой —
Отвалится.
Лучше топай домой,
Красавица.

До фига развелось вас таких:
От станка, от столба, от сохи.

Подворотня вздохнет
Закваскою,
Мятый ворон вспорхнет,
Затасканный.

Не скули на дурную судьбу,
Прикуси-ка, подруга, губу.

До подъезда шажок.
Уставшая.
Тут и трахнет дружок
Дождавшийся.

Значит, все-таки ты не одна.
Хоть на это — и то годна.

25.12.1989

Осенью прелолистой
Ветер плюет в лицо.
Глухо звенят монисто
В заднем кармане кацо.

Вот он, культурный мицелий,
Плесень на срезе времен:
Бьется в моем прицеле
Перечнем давних имен.

Все обернулось потешкой:
Вышли мы с ним во двор,
Смыл я с лица усмешку
И передернул затвор.

Скрючился он от смеха,
Не открывая рта,
И закричало эхо:
«Тра-та-та-та, та-та!»

03.01.1990

В Мекку ли, в Мессины
Мерить путь шагами.
Мы в одном едины —
Все давно с рогами.

Крендель на макушке,
Словно борона,
Ночью на подушке
Будет не до сна.

От жены украдкой
С лобзиком тружусь:
От рогов проклятых
Нету терпежу.

Чиркаешь до боли,
Слезы не унять.
Не до Бога, коли
Шепчешь: «...твою мать!»

Голову на плаху
Шлепну, как бурдюк,
Со всего размаху,
Чтоб рогам — каюк!

09.01.1990

Дождь хлестал по косогору,
Размочило все тропинки.
Призадумалось Егору:
Доберется ли до Нинки?

По дождю — не посуху:
Прешься, как дурак.
Нет, чтоб топать босому,
Надо — в сапогах.

Стало грустно, неуютно
От подобной канители:
Разлучил их обоюдно
Хмурый дождь в конце недели.

Хоть бы солнышко взошло
Поросенком рыжим...
Так и ел через село,
Хлюпая по жижке.

09.01.1990

Паровоз паром, пардон, пыхтел.
«Суки!» — сказал самому себе.
Хорошо хоть Харьков, хазар, хотел —
Там Тарзан тему трубил трубе.

Глазами горящими глянул: газон
Шевелился, шельма, шелком шарфа.
«Рано ругаться, — решил, — резон
Учредить уместно умом Унифа».

Колли кормил кирпичом козу,
Долго давая детям долги.
Воплем воскликнул всем внизу:
«Нет, нам не надо нашей ноги!»

Зойка звенела зуммером зло,
Мишка монету мутузил молотом...
Только тому теперь тяжело,
Кто кормит кур крошевом колотым.

09.01.1990

Я сплю и вижу сон о том,
Что мне во сне приснился сон
Про то, что сплю я в сне своем.

Я веки сонные отверз,
Побагровевшие от слез,
И понял: был я нетверез.

Но странный сон во сне про сны
Меня тиранил до весны...

И был мне сон во сне без сна,
Что для растратчика — казна.

09.01.1990

Всякому овощу — свой срок.
Всякому фрукту — своя статья.
Палец безмозгло давит курок.
Нынче — без ужина. На завтрак — кутья.

Этот — в варенье. Тот — в компот.
Побег — если влево и вправо взгляд.
Если смотришь вперед — то иди вперед.
Если смотришь назад — то иди назад.

Ветку за веткой — и так всю крону.
Ствол — на потеху стальным топорам.
Корни пока до поры не трону.
Каждому корню — своя пора.

Говорят, когда-то здесь был лес.
А там — по слухам — когда-то был сад.
То, что теперь будет здесь —
Если бы знал, непременно сказал.

10.01.1990

Такая жуткая жара,
Что пиво лупит по шарам
И глюкереешь прямо на глазах.
В такие дни сижу в тепле,

Раскинув ноги на столе,
И сутками торчу на тормозах.

Ты куришь план и пьешь коньяк.
Сосед по комнате, маньяк,
Столбит седьмой косяк за этот день.
Такое время на дворе,
Что счас не токма о жаре —
Ваще о чем-нибудь подумать лень...

13.01.1990

Избушка

По тайным приметам и меченым вешкам,
Сквозь гниль бурелома, таежной тропою
Промчусь, задыхаясь и путаясь в спешке —
К заветной избушке, на встречу с тобою.

Собью сапоги, потеряю котомку,
Лицо исцарапают жгучие ветки.
Волнуюсь ужасно, поскольку любому
Доступна разгадка таежной отметки.

Запутала путника эта тропинка:
Не та, извини, оказалась опушка.
И мутному взору предстала картинка:
Избушка на ножке, в избушке — старушка.

Что толку от милой беззубой улыбки,
От ласковых слов и солений из банки?
Сомнения шатки, смятения зыбки,
И нет уже сил отвязаться от бабки.

15.01.1990

Расхристанный и пьяный,
Пиджак от слез раскис —
Стою я у фонтана
И делаю «пис-пис».

Подмочена кошелка,
Забрызганы штаны.
И долго, но без толка
Смеялись пацаны.

Заправлена рубашка,
Застегнут ремешок.
Намедни было тяжко,
А нынче — хорошо.

Глазеет обыватель
Застывиши, как пенек.
Адью! Не забывайте
Сегодняшний денек!

29.03.1990

За балкой, в таежном распадке,
Мы жили себе втихаря.
Капканы шмонали украдкой,
Храня до поры прохоря.

Прихерились здесь ненадолго,
Стремясь переждать холода.
Что толку торчать здесь без толка?
Подтает чуток — и тогда...

Бараки от ветра шатают
И снежная валит труха,
И скрючившись, как запятая,
На вышке застыл вертухай.

Заборы завалены снегом,
За зоной следить недосуг.
Напару спасаясь побегом,
Мы скрылись в промерзшем лесу.

Заснуть бы, как бурому мишке,
Впотьмах продремать до весны...
Зимой вертухая на вышке
Весенние видятся сны.

05.04.1990

Галиакбер трагически влюблен,
Его терзают страсти роковые.
И, сединой козлиной убелен,
Во власти страсти отдаётся он,
Идя на приключения любые.

Нелепый и комический удел!
Галиакбер в маразме неутешен:
Он все штаны усердно просидел,
Покуда с вожделением глядел,
Как я «лапшу» его супруге вешал.

О юное, несчастное дитя —
Дари, дари мне радость неустанно,
Покуда годы не оборотят
Нас к тем вещам, которые претят,
И твой супруг возьмет тебя бездарно.

08.05.1990

Эхо

Вот идут маньяки:
— Ы-ы-ы!
Они все вот так вот:
— Ы-ы-а-у!
А еще они:
— У-у-э-и-у!
А один из них:
— Ж-б-в-з-к!
А потом они завернули за угол
И пропали куда-то,
Но между домами все еще металось
Неугомонное эхо:
— Эим-м-м, дц-з-л-л, х-м-раавмыы-ск!
И тогда милиционер засвистел в свисток:
— Ц-й-ь-ы!
И что-то грохнуло в водосточной трубе:
— П-п-фф!

А из окна первого этажа высунулась
Старушка и сказала:
— Рт-рт!
И тут я понял: йцукенгшщзх...

16.05.1990

Путь Господен

Наконец-то я свободен:
Мне открылся Путь Господен.
По нему, как по лучу,
В Мир Блаженный полечу.

Не укроешься за шторой,
Не откостишься тайком.
По глухому коридору
Побегу я босиком.

В тупике засну, усталый.
Отпустите, санитары.
Здесь, на пятом этаже —
Нет, не буду я блажен.

Утром нянечка в палате
Скажет, простынь теребя:
— Побоянил, ну и хватит —
Путь Господен ждет тебя...

19.08.1990

(читать вслух обиженно и недоуменно)

Почему я не Колчак?
Ну, почему я не Колчак?
Был бы против Ильича,
Да завял теперича.
Понимаете — зачах,
Вы же видите — зачах.
Эполеты сгоряча
Рву с понурого плеча.

30.08.1990

Стриптиз на дому

Прощай, зелень лета!
Я весел как будто.

Ты, вижу, раздета
И, вроде, разута?

Нет, это не баня
И даже не ванна.
Оделась бы, Маня,
Мария Иванна!

Туманятся дали
И птицы отпели...
В театр опоздали —
Стриптиз посмотрели.

30.08.1990

Ты не щурься, не жмурься раскосо,
Я такой же, наверно, как все.
Вот сейчас шурану под колеса —
И мозги заблестят на шоссе.

Путь мой не был цветами украшен,
Я как все — незаметен и сер.
И зовусь я как все — ай эм рапен,
И живу в мэйд ин ЮэСэСэр.

Потому и стою на коленях,
О штаны вытирая траву.
Слышишь: в тундре рыдают олени!
Слышишь: в Африке негры ревут!

30.08.1990

Про старого дворника (посвящается юным натуралистам)

Однажды старый дворник,
А в прошлом — маразматик,
От давешних риторик,
Гляжу, и вовсе спятил.

Ему вчера твердили,
Позавчера твердили,
Надысь с утра твердили:
Допрыгаешься, хрен.
А он скакал по лестницам,
Хвосты вертел прелестницам,
И че он, старый, бесится —
Все утро я гадал.

С обеда бывший дворник,
А нынче — маразматик,
Клопов топил в уборной,
Валялся на кровати.

А с вечера, а с вечера,
Когда всем делать нечего,
Когда огни доверчиво
Сияют там и сям —
Он надевал передник,
Забыв про бред обедний,
И плелся в двор соседний,
И улицу там мел.

А ночью старый дворник,
Нахохлившись как дятел,
Пускал в скамейку корни.
Да он и вправду спятил!

И вот, дойдя до точки
И хрюпнув кипяточка,
Он распускал цветочки
На лысине своей.

Вокруг шумит милиция,
Ответственные лица,
А дворник извинится:
— Да ладно, пусть растут!

06.09.1990

Старой Парки вязанье
Распустилось, беда.
Как гласило сказанье,
Мы ушли в никуда.

В странных латах из стали
Растворились вдали,
Где легендою стали
И покой обели.

Кто устал за столетье,
Кто упал от меча —
Каждый кровью отметил
Вековую печаль.

Коченеют приметы
У Судьбы под пятой...
Вездесущая Лета
Превратилась в лото.

08.09.1990

Как-то в день весенний
На исходе мая
Встретил дядю Сеню
В луже у сарая.

Я подумал смело:
Чем я Сени хуже?
И под это дело
Рухнул рядом в лужу.

И сказал мне Сеня:
— Что за ламца-дрица?
Даже в день весенний
Негде утопиться!

13.09.1990

Попытка озарения

В красном мареве заката,
Догорающем как будто,
Я стоял, слегка поддатый
И, минута за минутой,

Кровь в моих струилась венах
И колыхалась аорта,
Как у бывшего спортсмена,
Отреченного от спорта.

Уплывающим куда-то,
Уходящим в ниоткуда
Я стоял и пел рулады
Темной ночью, а под утро

В красном мареве восхода
Мне звезда зажглась, мигая,
Освещая двери входа
Или выхода из рая.

Сердце екало и пело,
Кровь струилась, как намедни,
И попутно то и дело
Мнились всяческие бредни.

Небесам воздав молитву
И блаженно улыбаясь,
Я добил свою поллитру,
От усталости шатаясь.

Уплывающий куда-то,
Уходящий в ниоткуда,
У ворот мужик с кувалдой
Злобно вымолвил: «Паскуда».

И звезда, обломком эха
В синем небе дорогая,
Нервно вздрогнула от смеха,
И закрылись двери рая.

14.09.1990

Мне слышится: — Да полноте!
Оставьте! Ерунда!
Откуда вы-то помните?
Иль слышали когда?

Иль видели и знаете?
Так стоит ли молчать?!
Покажете по карте?
Разломите печать?

И, вроде бы, согласен,
И, стало быть, смогу
Я в новой ипостаси
Продраться сквозь тайгу.

А там — ищите сами,
Гадайте, что и как.
Прощай, Иван Сусанин —
Приятнейший чудак!

15.09.1990

Смахну с рукавички снежинку-слезинку,
Закутаю нос в воротник меховой.
Стою, наблюдая простую картинку:
По улице мчит верховой постовой.

Он вырван поспешно из теплой квартиры,
Ему не до уток, поскольку всегда
Чудят в одночасье отцы-командиры
И мечут гонцов то туда, то сюда.

А вечером — покер, холодное пиво.
А нынче — карьер и седьмая верста.
Он скачет, стервец, молодой и счастливый,
И знать не желает, что ждет его там.

15.09.1990

Гимн

Взвеваем руками
Набрякшее знамя.
Мы суть дураки
И умрем дураками.

Впиваясь штыками
В воспетое сны —
Мы так далеки
И слывем моряками.

Плыви, мой корабль, зеленей, борода!
Набрякшее знамя, взвевайся всегда!

02.10.1990

Вислозадо улыбаюсь,
Сардонически смеюсь:
То ли ссучиться пытаюсь,
То ли скурвиться боюсь.

И виной всему — огреха,
И вина — всему цена.
Тем, которым не до смеха,
Вряд ли будет и до сна.

От порока и до мщенья
Мучим припятью седин.
Не стреляйте по мишням:
Бог един, где гоБ ниде.

02.10.1990

...И моя душа, смеясь, уходит
По песку в костюме моряка.

Ю. Поплавский
(из реperтуара А. Вертиńskiego)

Тихо море рукоплещет.
Прегрустливый капитан,
Словно тайный перебежчик,
Режет утренний туман.

И дерется из-за хлеба
Белых птиц пернатый ком,
Раздирая криком небо
И покой на дне морском.

Ах, и он хотел бы чайкой —
По-над морем, между скал, —
Но плывет на лейке-шайке,
Потускневшей от песка.

Старой пристани канаты
Крепче самых жестких пут.
Так и ты замрешь когда-то,
Шалопай и баламут.

Будет отдых твой слукаен,
Но застынешь на века,
Наслаждаясь криком чаек,
Смолкнув в шелесте песка.

12.10.1990

Месяц в деревне

Казанова, Казанова —
Зови меня так.
Мне нравится.

В огороде сажали редиску,
Ты поила свиней молоком.
Наклонился к тебе низко-низко
И куснул в мочку уха тайком.

Все в порядке теперь, шито-крыто,
Где-то полют капусты рядки.
Разгибаешься ты от корыта
И хватаешь меня за грудки.

И вдвоем, как солдаты Победы,
Мы целуемся смачно, в отвал.
Ах, не жди меня, мама, к обеду,
Не пыли ты трухой, сеновал.

Эти дни пролетели мгновенно,
Стала строже ты и холодней.
И опять я как перст во вселенной,
И опять недобор трудодней.

И старался, выходит, напрасно,
Если в сумме — сплошные нули...
Но глаза загораются страстно:
Кто ж там свеклу копает вдали?

22.10.1990

Сейчас ты одинок как никогда —
Томишься в настроении отвратном...
Погасла в небесах твоя звезда
И ход времен нарушен безвозвратно.

Гуляй, рванина, пей томатный сок,
Лелей, чудак, свое пищеваренье.
Тебя разбудит скрежет тормозов,
Тебя убьет ее прикосновенье.

Как Будда, ты таинственен и нем,
Подкорка излучает биотоки,
Кипит твой мозг под клекот микросхем,
Как тот ручей в дорожном водостоке.

22.10.1990

Мне города рукоплескали
И баб ядерных я ласкал...
Зато потом всю жизнь фискалил
И горло рвал из-за куска.

Зато теперь не обернуться
Без слез в минувшие года.
— Мой друг, вам хочется вернуться? —
И я отвечу: — Никогда!

27.10.1990

Мы ехали по прерии —
Я и ковбой Билли.
Желтые лампасы,
Кожаный ремень.

Билли — славный малый,
Я с ним в огонь и в воду.
Солнце светит ярко,
Прерия пылит.

Я песню напеваю
И курю сигару.
Конь мой — Быстрый Ветер —
Изрядно вспотел.

Ехал бы и ехал
Ночь, день, вечер.
Билли скалит зубы,
Зевает от тоски.

Утро, день, вечер,
Ночь, день, вечер...
Песню двух ковбоев
Слушает трава.

02.11.1990

Вот белые кораблики плывут под парусами
И бравые матросики рыгают за корму,
А с рей и с мачт на палубу все счасти посвистали,
И почему мне весело — неясно никому.

Вон чайки белокрылые ныряют скопом в море,
И в небе этих чаек над нами до хrena.
Как хорошо, товарищи, мотаться на приколе,
Ведь здесь нас не достанут ни ветер, ни волна.

06.11.1990

Вот непонятная тебе
Сказка.
Блестит, стекая по трубе,
Смазка.

Шуршат клопы под тюфяком
Грузно
И слушать сказку ни о ком
Грустно.

06.11.1990

Как когда-то на острове Лесбосе,
Ошарашенный явью и новью,
Я мотаюсь в порожнем троллейбусе,
Наслаждаясь лесбийской любовью.

Провода шелестят обгорелые,
Светофор кольцевую застопорил.
Были правыми, стали — левые,
Отдыхаем гурьбой в Севастополе.

Постовой улыбнется загадочно,
Синий пар с побережья клубится.
Хорошо нам с тобой было давеча:
Чем ругаться, уж лучше — любиться.

06.11.1990

Он невнятно бормотал,
Прикрывая пол-лица,
Про начальный капитал,
Что достался от отца.

Про проценты и доход
Достоверно расписал,
А потом захлопнул рот
И затылок почесал.

13.11.1990

Ты служила мне внешним коллектором,
А мечтала быть гамма-индуктором.
Я работа в канторе корректором
И партийных решений был рупором.

Ты гордиась задрипанным шмассером,
Что валялся за выцветшим кляссером,
И якшалась с сотрудником Мазером —
Он по части инъекций был мастером.

Он колол не спеша внутреннее,
Изрыгая ворчанье утробное.
Ты имела здоровье отменное,
Но читала всегда про загробное.

И держала меня за прагматика,
Что прикрылся осиновым листиком.
Вот вам, братцы, и вся математика
Пополам, так сказать, с казуистикой.

13.11.1990

Ты, парень, не грусти, развея тоску-печаль.
Подкову разогну и вывешу на счастье.
Ты правильно не верил заманчивым речам,
Ты правильно решил загнуться в одночасье.

И галстучной удавкой пеньковая петля
Скользнет по кадыку, заботливо лаская.
О прошлом не жалей, поскольку пользы для
Тебя не пощадит признательность людская.

Ты, парень, не грусти, она того не стоит.
Бутылочный аккорд сегодня возвестит,
Что есть последний дом, что был тебе построен,
Где можно посидеть и просто погрустить.

13.11.1990

Я при Ленине был пешка,
А при Сталине стал шишка,
Но попробуй за рубеж-ка
Дернуть ноги, коротышка.

Нет, чтоб голову в подушку
Или ноги об колодку —
Именную выну пушку
И — гулять по околотку!

Разгоню тоску-кручину,
Не узнают мужики
Настоящую причину
Парабеллумной тоски.

13.11.1990

Висел на уличном столбе
Синюшный постовой,
И мост не нравился тебе
Под заводской трубой.

Тиха украинская ночь,
Гудит электросеть.
В такую ночь и я не прочь
Немного повисеть.

14.11.1990

Мы мечтали с тобой о Таити,
Рисовали волшебные дали,
А они нам кричат: извините,
Вы на поезд уже опоздали!
И, расставшись с вокзальным сортиром,
Разъезжаемся в разных трамваях,
Чтобы сидя в отдельных квартирах
Помечтать перед сном о Гавайях.

14.11.1990

Безобразный горбун с фиолетовым носом —
Он трясет головой и пускает слону,
Он ломает дрожащей рукой папирису,
И очнется, когда я ему загляну
В глаза.

Драный шарф не согреет куриную шею
И потертый пиджак не спасет на ветру.
Он дождется, когда я свой кейс раскошелю,
И заметит, как влагу с лица я сотру —
Слеза.

От табачных киосков до строго парка
Я спешу, подгоняемый шелестом струн.
То мороз по спине, то становится жарко,
Стоит вспомнить, что мне напоследок горбун
Сказал.

19.11.1990

Она давала у штурвала
И море радовало глаз.
Волна форштевень омывала,
Хандрил разбитый ватерпас.

И из своей радиорубки
Торчал рыгающий радиист,
А за бортом кораллы, губки
И крабы всякие неслись.

Все сикось-накось — накась, выкусь,
Что значит «амба» и «труба»,
Но гонит нас желанный прикус —
Морская пена на губах.

Чем петь дурацкие рулады
Под эхо кляузных реторт,
Мы путь пройдем до Ленинграда —
Балтийский порт, Балтийский порт.

01.12.1990

Нет, ты подумай только,
Старательно причем:
Загнулась перестройка
И свергнут Горбачев.

Попрятались в квартиры
Сограждане твои,
А синие мундиры
Кишат как муравьи.

Законы уважают,
Не мучают народ,
И нынче не сажают,
А прямо тут — в расход.

И я оттуда, братцы,
На Запад рьяно рвусь.
И есть причина рваться:
Боюсь — вот-вот проснусь.

07.12.1990

Ты бы строчку
Под размер
Выстроил,
Или в бочку,
Например,
Выстрелил.

Или в стенку
Головой
Врезался.
Был Шизденко
Деловой —
Срезался.

07.12.1990

Ты скользишь головой по ступеням,
Ты язык прикусил пре больно,
А минуту назад был степенен
И держался весьма привольно.

Не удался задуманный опыт,
Получился лишь жалкий трюк.
Мостовая тебя торопит,
Протянув мириады рук.

07.12.1990

А он кричал в истерике:
«Ну что? Ну что?? Ну что???» —
Покуда из Америки
Документ не пришел.

Нужна, понимаешь, справка,
Хоть это весьма потешно —
Из банка, из морга, из главка
И из психбольницы, конечно.

Америка — славная штука:
Евойный дотошный запрос
Прошел без проблем и без звука
И явно воспринят всерьез.

Душевно и даже гуманно,
Не то, что там — как-нибудь.
Для вас это, может, и странно,
Для нас, извините — ничуть.

Хочу, братва, в Америку,
Кричу нехорошо,
Но на мою истерику
Вы все мне: «Ну и шо?»

Нужна, понимаешь, справка,
Нужна, понимаешь, виза.
Ты думал — все просто и гладко?
Да нет, извини-подвинься».

15.12.1990

Вот Телемак, двадцатилетний отрок,
Скучет и грустит в своих пенатах.
Мать Пенелопа Одиссея ждет
И, говорят, уединилась там же —
В пенатах то есть. Утренний луч света
Верхушки кипарисов золотит.
Кто помнит об отважном Одиссее?
Быть может, только старая галера,
Рассохшаяся в обмелевшей бухте —
Прибежище для крабов и бродяг.
Толпа поклонников и просто дармоедов
Слоняется по пыльным коридорам
И тоже от безделия скучает,
Отчаявшись добиться Пенелопы.
И, кажется, вернется Одиссей,
Окинет взором это непотребство,
И вдруг услышит радостное: «Папа!» —
И кажет, изумленный: «Вот те на!
Прошлявшишь четверть века черт-те-где,
Так радостно на роду вернуться
И встретить на пороге дома сына,
Которого и в планах не держал,
А вот поди ж ты! Ну и чудеса!
Что перед этим всем паденье Трои?»

17.12.1990

Не пришли мы к единому мнению,
Что есть сил напрягая внимание:
Либо числить его, скажем, гением,
Либо это — какая-то мания.

Припадаем мы к первоисточнику,
Обращаясь к зануде-подписчику,
Но и он, голова, в междустрочнике
Видит рядом и сплошь кабалистику.

Это просто мучение адово,
Хоть мерещилось все в свете розовом.
Говорят: по-хорошему надо бы,
Некрасиво, мол, как-то с допросами.

Загрущу в тишине кабинетика,
Выжимая в экстазе признание.
И какая тут, к дьяволу, этика,
Чистота, так сказать, и сознание?

25.12.1990

Местечковый полицай
Грицацуй
Раскровянил пол-лица
Стервецу.

Тот зажил, гад, мацу
От отца —
Вот и врезал подлецу
Полицай.

А маца была на грех
Хороша,
И разделал под орех
Кореша

Местечковый полицай
Грицацуй,
Раскровянив пол-лица
Стервецу.

30.12.1990

В гостях у Фаддея Булганина

А все-таки жаль, что Сергеич напился вчера!
Вокруг веселились такие лихие подружки!
И все повторяли: «Смотрите, «набравшийся» Пушкин!»
А Пушкин проснулся и громко воскликнул: «Ура!»

За окнами стужа, и тянет обратно в постель.
Пустые бутылки негромко звенят под ногами.
Мы были друзьями. Как жаль, что мы стали врагами,
И впредь будет не с кем с утра похмелиться теперь.

Он вышел один в этот жуткий, простуженный мрак,
В дверях подарив пять рублей подгулявшим цыганам,
Потом проглотил двести граммов единственным стаканом
И зябко поправил невзрачный потертый пиджак.

Его не нашли. Да куда там: повсюду метель!
В тот год не сезон был у нас на такие прогулки:
По самые крыши пургой заносило проулки
И хлипкие двери срывало с промерзших петель.

1990-e

Застряла в зубах деревянная спичка,
Изысканный завтрак тебя томил.
Ну, что же ты плачешь, лисичка-сестричка?
Твой зайчик-проказник был весел и мил.

«Клико» и «Шартрез» золотились в бокалах,
Вчерашний любовник урчал в животе,
А ты угощала гостей разудальных
И все ворошила рагу на плите.

Осталась неприбранный, смятой подушка,
И завтрак уже не шкварчит над огнем,
Остались два крохотных, сморщеных ушка
И беленький хвостик на память о нем.

«Все было прекрасно! — сказали подружки. —
Сегодня рагу удалось на все сто!»
А ты теребила несчастные ушки
И молча взирала на праздничный стол.

Был ежик как ежик, был коник как коник,
Был мишка как мишка, был чижик и стриж.
Ах, как прозорлив был вчерашний

«Еще почудачишь! Еще пошустришь!»

1990-e

Кабы мне приделали два крыла стальные,
Вот такие лопасти и большой мотор —
Я б без промедления в небеса шальные
Руки свои, рученьки вместо крыл простер.

Это в песнях так легко, это в сказках — бойко,
А поди-ка, полети с этой ерундой...
А в палате, погляди, расшаталась койка,
И несут уже, несут баночки с едой.

Скрипнет важный санитар, шевельнет усами,
Со щеки слону смахнет доброю рукой,
И посмотрит на меня синими глазами:
Дескать, слышишь, как мотор бьется над рекой?

Я и здесь, и там, и тут — что не эти стены?
Я — над речкой стрекочу, я — на бугорке.
Под уколами врачей незаметны вены
И пропеллер шелестит в скрюченной руке.

1990-e

оголтелое тело
и тлериющий смрад
на хрена ты хотела
перебраться в багдад

паровозные тряски
не заменят уют
после палубной пляски
не стесняясь блюют

эти грубые руки
и хмельное лицо
подарили со скуки
золотое кольцо

согласилась сначала
а потом поняла
и уже не кричала
а лишь ноги свела

здравствуй берег далекий
портовое бичье
а из сдавленных легких
кровь хлестала ручьем

мы-то думали вот он
этот берег земной
и по правому борту
скрылся порт за кормой

голубая водица
не поможет тебе
захотела топиться
привязали к скобе

до холмов иудеи
до синайских высот
за четыре недели
пакетбот доплынет

1990-е

**Песня-плач-причитание
по одинокой девице Татьяне, от которой ушел
хороший парень тракторист Алеша, а ведь и
Таня тоже хорошая девица, а вот поди ж ты, как
оно в жизни бывает, и все кончается плохо, и
всем грустно и нерадостно**

от маленького деревца
до крохотного яблочка —
мичуринцы-стахановцы не пьют воды с лица
чего ж ты плачешь, девица?
да что такое, лапочка?
все это перемелется и будет гоп-ца-ца

все сущая безделица
цветочки-огуречики
к чему судьбу проклятую спускать на тормозах
ну, что такое, девица?
уже поникли плечики
и мальчики кровавые запрыгали в глазах

была она отличница
была она бетонница
шальные-беззаботные-былые-времена!
уже горит яичница
и во поле не хочется
и перспектива летчицы не светит ни хрена

а все же — люли во поле
а все же — ляле вляпали
стаканчики-жиганчики березки-деревца
и мы под «люли» топали
и дружно лялю лапали
и было, как в Чернобыле: сплошная гоп-ца-ца

1990-е

Сущность машинная —
Вот она,
В этих железках
Заключена.
Бурей промчусь
По промасленным серым поршням.
Ток побежит,
Терзая
Медных артерий сонм.
Это ль не счастье?
Жить бы и жить
Вот так.

1990-e

Травит душу, рвет гармошку Левка — бывший пэтэушник,
На скамейке сиротливо тетка Аннушка грустит.
Вероника Николавна знает: Эдичка-домушник
Непременно на неделе горе-девку навестит.

Я сегодня именинник, одуванчик и хорошка,
Транспаранты расписные застят карие глаза.
За прилавком восседает бывший прапорщик Антошка,
И за городом гуляет разудалая гроза.

А весна в кипучем мае вдохновляет на поэзы,
Мы сидим под этим небом в этом гуле грозовом.
Парикмахер Пацхович гладит старые протезы
И везет навоз на дачу на прицепе грузовом.

Воробы и тараканы, и клопы в моей уборной
Передачу «Мир животных» демонстрируют вптымах,
И звучит по всей округе русский говор подзаборный,
Навевая тихий ропот и брожение в умах.

1990-e

Песня ветра

Труса не праздновал — раз,
Труса не праздновал — два.
Скажи, где твоя голова?
Где твой штык?
Где вещмешок?
В нем — табачок
И из дома три старых письма.
Зачем ты стрелял,
И упал,
И лежишь черт-те где
В этом сером сосновом бору?
Кровь не бежит —
Ею полон закат,
И трава,
И деревья вокруг.
А ведь труса не праздновал ты —
Это раз.
Труса не праздновал ты —
Это два.
Скажи, где твоя голова?
Где теперь твоя голова,
Солдат?

1990-e

Шпионские страсти

Вот так оно в жизни бывает, когда муж шастает там по всяким командировкам, а жена в это время... ну... сами понимаете... И вот заявляется он неожиданно домой, и застает в своей квартире, в своей постели со своей женой постороннего человека, который говорит ему буквально следующее:

Ты был немало удивлен,
Когда я свет включил:
Так мною выслежен шпион
В таинственной ночи.

Ты прогорел, паяц и шут,
Когда в глухих кустах
Ты плохо спрятал парашют
В семнадцати местах.

Ты озирался на собак
И рацией махал,
А самолетный бензобак
Над лесом громыхал.

Ты девять дней бродил в лесу,
Блуждая наугад,
Пока не скушал колбасу
И «Сникерс»-шоколад.

Два браконьера поутру
Нашли твои следы:
Ты плохо спрятал кобуру
В пампасах лебеды.

Велась облава при флагжах,
В лесу — стрельба и гам;
А дети наочных горшках
Кричали: «Смерть врагам!»

Злодей, немедля трепещи:
Свершится правый суд!
А парашют — ищи-свищи
В загаженном лесу.

Ты мне глазами не моргай,
А лучшие сядь на стул...
Послушай! Э! Пустите! Ай!
Спасите! Караул!..

1990-е

Маленькая писька

Ты песенку пела
Про мартовский лес,
А я то и дело
Под кофточку лез.

Доходчиво слово
И музыка тож,
Но снова и снова
Ты мне не даешь.

Надежды питая,
Шепчу горячо,
Что пусть ты крутя,
Но я-то при чем?

Оркестр надрывался
Для благостных лож,
А зритель смеялся
И плакался тож.

1990-е

Ты стоишь, бородатый репейник, в крапиве,
И тебе не чета лебеда и чабрец.
Капли влажной росы не тебя окропили,
Но ты чувствуешь: вот он, приходит конец.

Вздрогнет стебель, и колкие листья качнутся,
И стальная коса вдруг опишет дугу.
Ах, зачем ты вчера умудрился проснуться
Не в постели, а здесь, на душистом лугу?

Мог бы травы топтать в этот день сенокоса
И считать облака, отдоыхать на спине...
А теперь ты лежишь, кем-то срезанный косо,
Где ромашки и клевер — в единой копне.

1990-е

**Хорошо негром быть.
В Африку хочу!
Вот скоплю немного денег
И туда поеду.**

Там на львов поохочусь
И попью кокосов.
Я вам «здравьте!» кричу,
Черные друзья.

Читать звонким пионерским голосом.

1990-e

Военно-полевой пикник

Я стрелял не целясь,
Смаху, наугад,
Пил горячий херес
И жевал гранат.

На прозрачном блюдце —
Черный пистолет:
Чьи-то слезы льются
По сырой земле.

Ты упал беззвучно
Головой в песок.
Я собственноручно
Щекотал курок.

Розовые сливы,
Синий виноград!
Умирать красиво —
Слаще во сто крат!

1990-e

Да и рад бы я на рожку не пенять —
Бог с ней, с рожею моей, да вот поди ж —
Не могу я до сих пор никак понять:
Что ж ты в зеркало, подруга, не глядишь?

Суть не в том, что я себя поистаскал
По компаниям отвратных раскоряк.
В королевстве искореженных зеркал
С Аполлонами — чудовищный напряг.

Я прикрою свои блеклые глаза,
Но на ощупь — ощущения не те.
Это то ж это за гад такой сказал,
Что любовь — она приятней в темноте?

Не спеши крушить кривые зеркала
И с советами разумными не лезь.
Я смахну свои картины со стола
И небрежно нарисую все, как есть.

19.01.1991

Партайгеноссе Борман
Порочил третий рейх,
От жизни был оторван
И наплевал на всех.

Жена ему: «Скотина!»
А он: «Иди ты на ...»
А вы мне: «Жизнь — рутина...»
А вы мне: «Жизнь — тюрьма...»

Вот если бы да кабы —
Глядишь, и цель близка.
...А на дворе — декабрь,
А на душе — тоска.

Толкуют пустомели
Про вздорное житье.
Ты счастлив? Неужели?
Поди ж ты, е-мое!

21.01.1991

Мореплаватели

Пишу про настоящее:
Ромашки там и тут,
По ручейку бурлящему
Две тапочки плывут.

Под парусом и флагом,
На радость морякам —
Навстречу передрягам,
На откуп сквознякам.

В тумане море брезжится —
Болотный водоем.
Им не пристало нежиться
На палубе втроем.

Лишения тяжелые
Их не загонят в гроб.
Приятели веселые —
Блоха, лягушка, клоп.

08.02.1991

Помню, в юности папанька,
Поднабравшись после баньки,
Посылая за полбанкой,
Запускал мне вслед таранькой.

А я во вторниках и в средах,
А иногда и в четвергах
И вовсе дома не обедал
И возвращался «на рогах».

— Ну, мол, туё-моё,
Да оба-на,
И ля-ля-ля,
И фа-фа-фа!

А когда меня косила
Та злоказненная сила,
Наша маменька просила:
— Хоть гармошку не насилий!

А я вот в праздники и в будни,
А то — порой и по ночам
Вдруг становился безрассудный
И песни матерно кричал: покойник: поклонник

— А ля-ля-ля,
И фа-фа-фа,
Туё-моё
И оба-на!

Как-то младший мой братишко
Ночью свинчивал покрышки,
Но какой-то фраер с вышки
Засадил ему по «шишке».

Вот и пришлось мне по субботам,
Да и в законный выходной
В сердцах как следовает поработать —
Теперь здесь вышки ни одной.

И мне плевать,
Что ля-ля-ля они,
И все,
И оба-на,
Туё-моё,
И фа-фа-фа:
Ищи-свищи теперь
Давай!

08.02.1991

Мне подрезали лопасти —
Неспроста и некстати,
Вот и радуюсь колкостям,
Словно шпагоглотатель.

Синева безгранична
И давление в норме.
Те, что взяты с поличными —
Вон, стоят на платформе.

Золотая символика
Облупилась заранее.
Удели мне хоть толику
Теплоты и внимания.

А не то от истерики
Натворю выкрутасов...
Был он мелкий и серенький —
Жаль, таким и остался.

09.02.1991

А маменька в младенчестве грозила мне бедою,
А я ее не слушалась — наивною была.
Томлюсь теперь в Казани я под мужниной пятою.
Надысь была серъезною, а нонче запила.

Все словно изменилось вдруг,
Посуда валится из рук.
А ночью снится милый друг.
Спи, опостылевший супруг!

А тетя из Саратова мне пишет понедельно,
За жисть мою пропащую напрасно слезы льет
И, говорит, мой милый друг тоскует безраздельно,
Целует в обе ручки и привет передает.

Намедни снова был в гостях,
Опятьправлялся о вестях:
«Зизи, наверное, грустят?»
Нам было весело вместях.

11.02.1991

Наколка — несмываемая вещь.
Он выколол: «Я не забуду Клаву».
И режь его теперь хоть автоклавом —
Что может быть надежней тех депеш?

Еще колол «Век воли не видать»,
Потом еще колол «Люблю свободу»,
А до нее — почти четыре года.
Устанешь жить, не то что поджидать.

Он и не знал, что ходит в черном списке.
Наивный, незавиден твой удел!..
Я в строевой однажды подглядел:
Там — «десять лет без права переписки».

04.03.1991

Я не буду мелочен,
Я не буду склонен,
Мне все это незачем,
Между прочим.

Перестану хмуриться
И без дела хныкать.
Надоело курвиться,
Горе мыкать.

04.03.1991

Был незатейлив манускрипт
И, расшифровке рад,
Я тут же изложил вердикт
И выложил мандат.

Без толчеи и суеты
Я разобрался враз:
Вон там наставил запятых,
А здесь — нашлепал клякс.

Слюна стекала с языка
И чуб на стол свисал.
Я знал, что это — на века,
И потому — писал.

Свеча затухла на столе
И чай давно остыл,
И я заткнулся на нуле
От мыслей непростых.

В ночи слова срывались с губ
И дергалось плечо.
Я знал, что утром этот труп
Ни строчки не прочтет.

Бумагу зло пером хлестал
И пальцем тер очки.
Гляжу — к рассвету от листа
Остались лишь клочки.

В разгаре дня запал утих,
Поникла голова...
Я собирал по строчкам стих...
По буквам... по словам...

Собрал и молвил вот те на,
Есть отчего грустить —
Едва ли стоила цена
Конечного пути.

21.01.1991, 06.03.1991

Грядут серьезные бои
За все курьезные паи.

О них мечтать не должно вслух,
О них сказать не можно враз.
Крепи до срока плоть и дух
И не бросай на ветер фраз.

12.03.1991

Шпиён

Под париком скрывалась голова
И, очевидно — тело под рубахой.
А он все плел красивые слова,
Не выдавая собственного страха.

Курил табак — заморский, дорогой,
И запирал на ключ входные двери,
И спать ложился с женщиной другой —
Не с той, что обещала ждать и верить.

Крутил шары и пыль пускал в глаза,
Мозги припудривал и заправлял арапа,
И до провала не подозревал,
Что он — герой минувшего этапа.

Когда ж ему сказали: «Ты, говно,
Довольно нас дурачить и морочить!» —
Он распахнул широкое окно
И выпрыгнул на утреннюю площадь.

Там день еще не начат трудовой —
Из тех, что к славной дате приурочен.
Он выплюнул мозги на мостовой
И растворился в грязи водосточной.

14.03.1991

Пусть кажусь я излишне сухим,
Как лимон прошлогодний — выжат.
А стихи? Что с того, что стихи?
Их сейчас каждый третий пишет.

Но свечу зажги у окна,
Разгони душный сумрак ночи.
Я — один, да и ты — одна.
Будь же славен, союз одиночек!

Молчаливо тоску плела,
Ни единому взгляду не веря,
А потом взяла и ушла,
На прощание скрипнув дверью.

Мягкий воск на окне погас,
Ночь прохладой сквозит из передней.
Я заплачу, как в первый раз,
Но увы — не в последний.

14.03.1991

Вот такая картинка,
Немудреный сюжет:
В колобуде скотинка,
А хозяина нет.

Загрустил ненароком,
Загулял невзначай,
И по пыльным дорогам
Зашагал сгоряча.

А и был он старатель,
А и был молодец.
Эк отгрохал плати!
Во отстроил дворец!

А и был он добытчик.
Словом, был — и ага:
Из рубленых светличек —
За деньгой на юга.

В огороде — редиска:
Знать, весна за крыльцом.
Ах, ушел он не близко,
Не простившись с отцом.

Плачут малые дети,
Плачет дура-жена:
Если он не приедет,
Значит — всем нам хана.

На кого ж он покинул, —
И тэ дэ, и тэ пе...
Месит где-то мякину,
Растворившись в толпе.

Рвет чужие дороги
Бороной каблуков.
Как мне жалко убогих
И таких дураков!

23.03.1991

Пробуждение

Прохожий (недоуменно):

— Эгей, ты зачем по карнизу идешь
И что-то под нос заунывно поешь?
В полнейшем рассудке и вроде не спишь —
Идешь, напеваешь и гнусно сопишь.

Лунатик (тихо улыбаясь):

— А вот я затем по карнизу иду,
Что в жизни чего-то прекрасного жду.
Чего-то такого — не хватит и слов.
Иду, и мечтаю, чтоб не повезло.

Прохожий (встревоженно):

— А ну как оступишься, скрытый певун?
А если сорвешься, как горный валун?
Сто семьдесят девять отличных врачей
Не сложат тебя и за тыщу ночей.

Лунатик (внутренне как бы озаряясь):

— Но мне хорошо, я иду и пою!
И мне наплевать, что стою на краю!
Отсюда такой замечательный вид!
Наверное, он и тебя удивит!

Прохожий (раздраженно):

— А если я кину в тебя кирпичом?!

Что, скажешь, и это тебе нипочем?!

Тогда счас залезу на этот карниз
И сброшу тебя вверх тормашками — вниз!

(Пытается вскарабкаться по отвесной стене.)

Лунатик (протягивая руки):

— Ну, если так хочешь пройтись и попеть —
Скорее: ты можешь ко мне не успеть.
Вот город погасит ночные огни —
На всем белом свете мы будем одни.

Прохожий (срывается и падает в канализационный люк):

— К чему толковать о такой ерунде?
Вот я нахожусь по колено в воде.
Но здесь мне открылись такие дела...

Лунатик (открывает глаза и от неожиданности падает вниз):

— Какие?

Прохожий (прижимается к стенке люка):

— Такие.

23.03.1991

Гоню тебя. Воняет спиной,
И терпкий запах колбасы
Вдруг всколыхнет озnob гусиный
И вздернет веером усы.

Ходы любви, тоннели, штольни
Однообразьем утомят,
Я загрущу, как битый школьник —
Небрит, нечесан и помят.

В полуза�отой странной сказке
Я разрывался на куски,
Любя твои щеняччи ласки
И эти сучии соски.

Туманом, сладостным дурманом
Заволокло во мгле глаза,
Все затянулось чем-то странным,
Незримым — я бы так сказал.

Я помню, ты еще спросила —
А был ли я когда любим?..
Гоню тебя... Воняет псиной...
И этот запах нестерпим.

25.03.1991

I

Не уйти от шершавой погоды,
День неласков — вовсю сквозит.
Захожу отдохнуть в «Соки-воды»
Я, продрогший насквозь паразит.

Значит, так: два с сиропом, родная...
Сдобный крендель... Пожалуй, все.
От прилавка глаза отрываю —
И меня вдруг куда-то несет.

Там стояла она среди банок,
Между кексов и стаканов,
В спецодежде замызганной, рваной,
И смотрела с тоской, без слов.

Как бы нехотя налиvala,
Снисходительно мелочь брала,
На губах, напомаженных ало,
Сиротливо улыбка цвела.

II

А я говорю: торчу ваще
От ваших улыбки и глаз.
Не место вам в этом скопище,
Хочу осчастливить вас!

Зовут меня, значит, Слава,
И вот вам от сердца ключи!

И слева, гляжу, и справа
Толпа терпеливо молчит.

Ну я, конечно, с места в галоп,
Роняю слова — то да се.
Она взирает на это без слов,
Меня ж все сильнее несет.

И тут вдруг — откуда чего взялось! —
Стирая улыбку с лица,
Она мне сказала — небрежно, вскользь:
С вас сорок копеек... пацан!

III

И ей, расфуфыренной дуре,
Цежу в напомаженный лоб:
Ну, что за дела, в натуре? —
И пью свой вонючий сироп.

И ем свой поганый крендель,
И страшно себя кляну,
И в спину глаза, словно пендель,
И я ухожу в тишину.

IV

Но мне не уйти от шершавой погоды...

25.03.1991

I

Бурлило море белое,
А я себе зевал
И, ничего не делая,
Я песню напевал

Про это вот про море,
Про пену у причала,
Про чаек над волнами
И крабов под камнями.

Под вечер до кровати
Я ее дотянул,
Промолвил сонно: «Хватит!» —
И до утра уснул.

И снилось это море,
И пена у причала,
И чайки над волнами,
И крабы под камнями.

II

Ты еще в младенчестве мечтал о жарких странах
И тебе частенько снилось по ночам,
Как ты становился бесшабашным капитаном
И далекий шторм твою посудину качал.

Ты теперь забыл в своих немыслимых конторах
То, о чем давно уже и думать перестал,
Но порой соленый бри тихонько тронет шторы
И жена блеснет под боком чешуей хвоста.

29.03.1991

Я глаза свои дальномером мерил,
Дальнозором и зоркоглядом,
Я словам твоим ни на грош не верил,
Ни на йоту не верил взглядам.

А ты звала меня неверущим Фомой,
За косовзглядие ругала и корила.
И повторяла часто-часто:
«Ах, неласковый ты мой —
Вот этими б руками удавила!»

29.03.1991

Не сносить головушки бубенной,
Не примерить лаковых штиблет.
В жизни — даже пусть себе говеной —
Для меня, как видно, места нет.

Я не плачу, сами каплют слезы,
Ветер и песок слепят глаза.
Если б был я истинно тверезым,
Я бы вам такое рассказал!

Но молчу, чего же тут поделать?
Так и буду откровенно нем,
Наслаждаясь духом беспредела,
Наполняясь тем, чем и хотел.

Нарезаясь в кварту, в дупель, в стельку,
А еще — поверите? — в резьбу,
Продевая голову в петельку,
Подгоняя сникшую судьбу.

Дело тут не в лаковых штиблетах,
Что скользят по высохшей траве...
Очень жаль, что нету пистолета —
Грустно жить без пули в голове.

09.04.1991

Нынче праздник не для нас —
Это раз!
Похмелиться бы сперва —
Это два!
Глазки пьяные протри —
Это три!

И при нынешнем раскладе
В середине месяца —
Мы живем как в зоосаде —
Лишь бы не повеситься.

Весь остаток силы воли
Соберу в один кулак.
Я теперь в заглавной роли,
Сразу видно — не дурак.

И по плану, и по госту,
И по всем параметрам
Быть заглавным, ох, непросто —
Ты бы рухнул замертво.

Я же — парень то, что надо:
От звонка и до звонка,
От парада до парада,
От пивнушки до ларька.

Сёдня повод есть опять —
Это пять!
Но вина не хватит всем —
Это семь!
Впрочем, я и не пришел —
Хорошо!

09.04.1991

От получки до получки
Неприкаянно живу.
Что-то сверх — счастливый случай.
Сон дурной, но — наяву.

Бородатый головастик,
Постаревшее дитя —
Мне ни здрасьте, ни полздрасьте
Люди молвить не хотят.

Незавиден путь убогий,
Доведенный до конца:
Горлом кровь и ломит ноги.
...Ламца-дрица, гоп-ца-ца!

09.04.1991

Наступили холода —
Вот беда.
У меня же, как всегда —
Ерунда.

Как не взять мне сроду верхнюю «ля»,
Не понять ни в жись, где соль, а где суть.
Нынче в складчину пропью три рубля,
Ну, а завтра, дай-то Бог — поднесут.

Только знаю: холода —
Ерунда.
И, наверное, беда —
Не навсегда.

И от истины никчемной и пустой
Надо ль мучиться и стоит ли грустить?
Я уверен, как всегда, на все сто:
Ты сумеешь и понять, и простить.

15.04.1991

Летний отпуск

Иссушенные кости
На правом берегу...
Я три копейки бросил на прощанье.
Вот так и езжу в гости —
Туда, куда смогу:
Без закуси, но, как всегда — с вещами.

Им праздник — в понедельник,
Им водка — что вода.
Лечу угар дурной в прибрежной луже.
Отъявленный бездельник —
Буйню как всегда.
Не мне — а им же, гадам, будет хуже.

По ласковой траве,
По утренней росе —
Проехаться на пыльном лисапеде.
Мурашки в голове,
Травинки в колесе —
Ей-богу, мы куда-нибудь приедем!

Замшелый пароход
Три раза прогудит.
До новых, так сказать! Всего такого!
И снова круглый год
Тоска зудит в груди
И жизнь проходит зло и бестолково.

13.07.1991, н/л «Солнечный»

Не скрипи зубами, дура —
Я в траве ее нашел.
Разве было б хорошо,
Если б пил я политуру?

Я иду — она лежит,
Горлышко сверкает.
Слушай, Клава, отвяжись —
Без тебя икаю.

Ничего, что с виду страшный —
Утром будет нормалек.
Слушай, дай я хоть денек
Отосплюсь после вчерашней!

На поленнице повис
Серый кот понуро.
Засран птицами карниз
И кудахчут куры.

Не горюй, родная Клава —
Будет день и час пробьет.
Слыши, гармошка как поет —
Звонко, весело, лукаво.

На заре — прокисший квас
И помята рожа.
Хорошо в селе у нас,
В государстве — тоже!

13.07.1991, н/л «Солнечный»

Сердце бьется, сердце плачет,
На дворе закат зачах.
Я вчера пузырь заначил —
Пью водяру при свечах.

Торопливо разливаю
И глотаю вспыхах,
Скупо рожу утираю
Полотенцем в петухах.

Эх, да кабы щас не осень,
Ну, а после — не зима,
Я бы это дело бросил...
Что смеешься? Пей сама!

16.07.1991

Я когда-нибудь буду правильно понят.
Прочь немое засилие терра-инкогнит!
Я вернусь туда, где меня еще помнят.
Но увы, и оттуда меня уже гонят.

Отныне — воздушных хором не рисуйте!
Я добьюсь, дойду до dna и до сути!
Всех, кто прав — левыми быть обязуйте.
Бытие обессудив — не обессудьте.

Край, где я скитался — обитель пьянства,
Но и там для меня находилась паства.
Я учил их основам дзен и шаманства,
А труба позвала — и в путь, баста!

Я надеюсь, что путь мой будет короче,
Чем у всех у тех, кто надменно хочет
Перейти болото посредством кочек
И достичь пути на исходе ночи.

Даже если такое, хе-хе, случится —
Я сумею и тут вполне отличиться,

Потому как никто из них не отлучится,
Пока впереди тусклый свет лучится.

Я приду, ослабев от былой мороки,
Чертыхаясь в сердцах о судьбе и роке,
И тогда на читающих эти строки
Удивленно взглянут горе-пророки.

И тогда запутят вековые вербы,
И прольются фонтаны мочи и спермы,
Моджахеды помилуют всех неверных,
И достигну я цели в числе первых!

21.08.1990, 20.07.1991

Встреча

Ты помнишь, на речке на Каме
Встречали тягучий закат
И кашали мясо руками,
Курили крепчайший «Дукат»?

Рука из руки ускользала,
Пахучий трещал костерок,
И ты мне печально сказала,
Что капает новый срок.

Чирикали глупые сойки,
Ругая нелепую страсть.
Я спал в караулке на койке,
А ты по этапу плелась.

...Пылятся былые награды,
Приелся уют городской...
Ну, что же ты встрече не рада?
Ну, что же ты смотришь с тоской?

12.08.1991

Ах, мне бы такие зарплаты!
Ах, мне бы такие рубли! —
На жопу нашил бы заплаты,
В карманы насыпал земли.

Я б тесные скинул штиблеты,
Я в стол бы засунул пенсне.
«Да парень, наверно, с приветом», —
Прохожие выскажут мне.

Промчусь, беззаботный затейник,
И рухну устало в траву.
Вы сдохнете в поисках денег,
А я и без них проживу!..

...Намяты больные мозоли,
В карманах трава прорастет,
И в поисках скорбной юдоли
Никто по стопам не пойдет.

15.08.1991

Рукопожатие

...И юноша в скорбном обличье
Протянет мне влажную длани,
Но я даже ради приличья
До длани дотронусь едва ль.

Скажу я: «О, юноша потный!
К чему эта скорби печать?
Пожал бы я руку охотно,
Но нечем ее мне пожать».

К чему вам жеманные пляски
И прочий смешной этикет? —
В моей инвалидной коляске
Для рук просто винтиков нет.

Есть много конструкций убогих —
Пустить бы их все на дрова.
Вот в этой — работают ноги,
Желудок и плюс голова.

О, милые, добрые други —
Я помню вас даже во сне!
Целуйте мне нежные руки,
Что дома висят на стене!

15.08.1991

Они от радости проснутся
И выйдут в ночь под ветра скрежет,
И в дом обратно не вернутся:
Ты слышишь — звук шагов все реже?

Их ждёт нелепая кончина,
Их манит странное далёко.
И это, собственно, причина
Напрасных вздохов и упреков.

Мы всё простим и утром встанем,
Напялим мятые одежды.
И что случиться может с нами
В краю без проблеска надежды?

17.08.1991

Ты прижмешься, неизвестный,
К деревянной доске
И умрешь, неопознанный,
В нищете и тоске.

Будут львы и акации
Шелестеть и рычать.
Как в такой ситуации
Не сглупить сгоряча?

А хотелось исправиться
И по новой начать...

01.09.1991, 00.09

Дебют-1

«Скрип-скрип» — скрипит уключина,
Волна несет ладью.
В кино мне роль поручена:
«Уговорить» судью.

Размокли протоколы
И скрепок не собрать:
Я те еще приколы
Умею вытворять.

Волнуется массовка,
Бледнеет зампомреж.
Для них мой жест — рисовка,
Меня ж хоть с маслом ешь.

Круги сомкнулись медленно,
Лаская глубину.
Я делал все, как велено —
А че он утонул?

02.09.1991

А он допрыгается, гад, в своей конторе,
Пока его не хватит солнечный удар.
А мы с Наташкою отправимся на море
И привезем оттуда бронзовый загар.

Я буду ехать на прогнившем драндулете —
Даст Бог, на нем нам хватит места для двоих.
А он останется при прежнем партбилете
И при говенных при регалиях своих.

Ты не печалься и не плачься пона褴расну
И подавать в отставку нынче не спеши:
Покуда вьется над Пномпенем знамень красный —
Броня крепка и девки наши хороши!

10.09.1991

Какими мы были наивными
И верили всем сперва,
Звенели стаканами винными
И в тakt повторяли слова:

«Плохая погода? Фигня!
Подруга ушла? Ерунда!
Ведь ты не сможешь пить без меня,
Да и я без тебя — куда?»

Я помню, к кому ни зайдешь —
Накроют, как в лучших домах.
И каждый готов был пропасть ни за грош,
Но только чтоб все было «ах!».

Плохая закуска? Фигня!
Посуда грязна? Ерунда!
...А нынче, ребята, не стало меня,
И вы все теперь — кто куда.

10.09.1991

Индустриальный пейзаж

Печальная окраина,
Услада для воров —
Неловко перекроена
Из стареньких дворов.

Дрова пилили на зиму
И щупали бабье,
И пели «Осень» Козина,
И пили под нее.

Я на одном дыхании
Считать умел до ста,
Когда цвела бегония
И ластились уста.

Кровавые кирпичики
Над заводской трубой,
И озорные хачики
Поют наперебой.

Болезнь мою ускорила
То пьянка, то аврал.
А ты мне не поверила,
А я тебе соврал.

И чай из подстаканника
Сивухой развели,
И первого покойника
На кладбище свезли.

10.09.1991

Подруга-осень плачет на плече,
Роняет листья — хрупкие купюры.
А я повешусь на гнилом карагаче
И буду выглядеть неласково и хмуро.

А станут хоронить — не улыбнусь.
Зароют в грязь и сгинут в непогоду.
Я по весне орешником прорвусь,
Глотнув листвой воды и кислороду.

Вот кто-нибудь придет: «Ну, как растешь?
Что скажешь мне из мира неземного?»
Спросил бы кто-нибудь: ну, как живешь? —
Когда мне было гадко и хреново.

Потом пройдет еще немного лет,
Взойдет трава, мое забудут имя.
Я передам вам скромный мой привет
Орехами — пустыми и гнилыми.

10.09.1991

Девки глупые плакали
И роняли венки.
А чего девки плакали?
Да ушли мужики.

Поманило далекое —
Не поймешь, как зовут.
Что-то звонкое, легкое,
Словно сон наяву.

Горе бабам потасканным —
Как им жить-то сновья?
За неведомым, ласковым
Потянулись мужья.

Кто их видел — не поняли,
Кто встречал — позабыл.
И едино — что кони ли,
Верстовые ль столбы.

По зарубкам коричневым
На древесной коре
Я нашел бы их лично бы —
Да, видать, угорел.

Затрясли маразматики
Бородами в сердцах.
Не начать ли нам, братики,
Эту сказку с конца?

11.09.1991, 00.12

Щелкнул тайный капкан —
Щелк!
Взвыл лесной старикан
Волк.

Он не обидел и мышь
Здесь.
Ну, а теперича вышел
Весь.

11.09.1991, 00.25

Господа, прекратите дурацкие споры!
Жизнь прекрасна, и нужно не хныкать, а жить.
Я сегодня в ломбард сдал казенные шпоры,
А назавтра могу и штаны заложить!

Все так чудно, друзья, удивительно даже!
Как румянятся щеки, сверкают глаза!
Я готов заложить и мундир с метранпажа,
Но позвольте хоть раз передернуть тузा!

Не машите рукой, господин председатель,
Не к лицу вам морщины и скорбный укор.
Коль долги не раздам к оговоренной дате —
Револьверный щелчок разрешит этот спор.

*20.09.1991, 01.05, у Сергея Немова на хате.
Присутствовали О. Майоров и мой брат.*

Мы пели, ели, пили,
Танцевали до упаду,
Мы спорили о стиле,
Городили баррикаду.

Спор был безутешен.
Я — уравновешен.
И за это, грешен,
Под утро был повешен.

Я висел, не дрыгался,
Не моргал, не скрипел.
Ты в такт пульсу двигался
И о чем-то пел:

— О, Ориноко!
Буги-вуги, шабу-дабу!
Мне было одиноко,
Я нашел себе бабу.

Мне стало нескучно —
Я нашел мужика.
Вот висит он, тучный,
Не остывший пока.

Я танцую круто,
Я машу руками.
Пусть висит, раз перепутал,
Как общаться с мужиками.

Я не знаю, где душа его —
В аду или в раю.
Я вдохновенье ощущаю
И что хочу, то и пою.

Всё!

20.09.1991, ночь, 00.49

Карманная микрооратория

Лирический герой: Ты не верила в Бога, ты не верила в черта,
Но ведь что-то же было той точкой отсчета?
Ты уныло кивала и долго молчала —
Очевидно, мечтала начать все сначала.
Мы страдали напару, но терзались напрасно,
Не вникая в истоки сплошного маразма.
Я не знал, кто кого доводил до оргазма,
Так как мы о вещах толковали о разных.

Хор: Пой свою песню, ласточка, пой!

Пусть дымит канифольный припой.
И пусть мы сейчас поем лабуду —
Я к тебе на рассвете приду!

20.09.1991, 00.37

Серый кролик рыдает за стойкой,
Ты одна виновата во всем,
И любви в тебе — ни на вот столько,
И ушла ты, пардон, с поросем.

Кружат пары в удавых объятьях,
Еж под столиком ищет ключи.
Серый кролик, грустны твои братья,
Что навек потеряли крольчиков.

21.09.1991

a la Vertinsky

Вы танцуете плавно и медленно,
Я украдкой гляжу из-за шторы.
Мне подсматривать, право, не велено
Старой бабкой, пекущей просфоры.

Ничего, что сойду за обманщика.
Мне привычно — так было не раз.
Вы не видите бедного мальчика
И невинных сияющих глаз.

Вот корнет — удалец и пройдоха —
Вдруг заявится в гости некстати.
Да, вы смотритесь вместе неплохо,
Только мне он, увы, неприятен.

Он целует вас в нежное ушко.
Сразу видно, что это — всерьез.
В детской спальне намокнет подушка
От внезапно нахлынувших слез.

23.09.1991

Мой радужный сон про далекие дали
Приснит мне настолько суровые ели,
Каких мы с тобой наяву не видали,
Хотя все куда-то с напрягом смотрели.
И в этом-то сне я проснусь от испуга,
И мир мне покажется блеклым и пегим,
И ели накроет нездешняя выюга,
И во зарыдаю я в кои-то веки.

Пусть все это страшно, и стремно, и странно.
И ели, и снег — все, конечно, условно.
Вся жизнь в этом сне протекает бездарно
И все персонажи живут в нем безмолвно.

И явь ото сна отличи-ка попробуй,
Присни себе сладостный сон на потребу,
Лелей свою сонную горе-утробу,
Шагая по елям... по снегу... по небу...

28.09.1991

Субботнее

Огурчики на вилочке
И мутных штофов пара,
А он в своей парилочке
Задохся от угара.

Намыленный, распаренный —
Да что возьмешь с покойника?
Столы давно затарены
И гости пьют спокойненько.

Висит в прихожей сетка
И грязное белье,
А пьяная соседка
Все пару поддает.

И я любил субботы
И пьяные гулянья,
А нынче неохота
Дрова рубить для бани.

28.09.1991, у Немова

Ртутный столбик упал к сорока,
На дворе кружеляет пурга.
Всем по акту списали срока,
А меня бригадир проморгал.

И в тифозной палате ночной
Я узрел (экий, право, чудак!),
Будто я — на приступке печной,
А на печку забраться — никак.

И, согнувшись под тяжестью век,
Я прилег на заплеванный пол,
И часы свой замедлили бег,
И никто разбудить не пришел.

Санитар затихли вокруг,
И заплакал замерзший конвой,

И подальше от лагерных вьюг
Я ушел по дороге ночной.

03-04.10.1991

Заводной забавный паровозик
Мне купила в магазине мама —
Он мои игрушки чинно возит
От стола до старого дивана.

Машинист — герой забытой пьесы —
Мне сигналит крошечным гудочком,
И поют пластмассовые рельсы,
И котлы шибают кипяточком.

Рядом, на игрушечном перроне,
Веселится люд ненастоящий.
Арлекино голосом вороным
Загоняет всех в вагонный ящик.

Будет им невесело сидеться
В грузовом, плацкартном или скором,
И укатит крошечное детство,
Повиляв хвостом за семафором.

05.10.1991

В голубой небесной сини
Выйдет месяц, ножик вынет,
Звезды спустятся к погостам,
Пень покроется коростой,
Псы завоюят у заборов...
Скоро осень.
Осень скоро.

09.10.1991

Председатель на селе
Что ни день — навеселе.
Посадить предателя,
Гада-председателя!

Агрономы на селе
Что ни день — навеселе.
Этих тоже посадить —
Бляха, мать их всех етить!

Трактористы на селе
Что ни день — навеселе.
Вижу, дело здесь нечисто,
Раз под гашем трактористы.

Так-разэдак иху мать!
Разве ж всех пересажать?
Пионеры на селе
Что ни день — навеселе...

09.10.1991

Вот, собственно, и все... Закат угас,
И тени предков буйствуют незримо
В предполуночный неспокойный час
В подвалах замка графа Пилирима.

Ушедшие властители сидят
И примеряют ветхие короны.
О, если б не проклятые гуроны —
Каньон Акцелоактль был бы взят!

Еще в ночи не пели петухи
И свечи не потухли в коридорах —
На Божий свет повылезли грехи,
Швыряя по углам свинец и порох.

Немыслимо порочен этот круг...
Усталый путник навзничь в пыль валится,
Мелькают ее видимые лица
И каплет кровь с еще не мытых рук.

10.10.1991

Мне помнится, сидели у камина,
Мерцающего желтыми огнями,
Ты — с недовольной, кислой, пресной миной,
Я — с недовольной, кислой, пресной миной.
Болонка Римма проходила мимо,
Посмеиваясь про себя над нами.

Ей вспоминался ненасытный кобель
И сладостный момент былых утех.
Меня такой расклад слегка коробит,
Тебя — так вообще все-все коробит.
Звоню по внешней связи другу Кобе,
Участнику немыслимых потех.

Он говорит: «Послушай, генацвале,
Вы что там — все как есть опять уснули?
Сегодня из далекого Цхинвали
Друзья-соратники в подарок передали
Отменнейший бочонок «Цинандали»
И пару бурдюков «Киндзмараули».

Спеши ко мне!»

10.10.1991

Рубикон перейден.
Нынче плачем по ком?
Ты растаял дождем
И не стал моряком.

Ты торчишь черт-те где,
Словно шляпка гвоздя —
По колено в воде,
Как баран в бигудях.

Ты растерян и нем,
Ты картав и сутул,
Ты маячишь в окне,
Как солдат на посту.

Нынче плачем по ком?
Я от смеха вспотел!
Ты прослыл дураком
И помрешь в нищете.

10.10.1991

Утренние созерцания

Дедушка Прокофий
Ковырялся в ухе,
А в остывший кофий
Вляпались две мухи.

Вижу: не напрасно
Дедушке так муторно.
А ведь как прекрасно
Начиналось утро!

Девушка Татьяна
Терлась о ворота,
Прямо из стакана
Все цедила что-то.

Вижу: девке красной
Пакостно как будто.
А ведь как прекрасно
Начиналось утро!

Пионерка Маня
Записалась в «профи»:
Ей плевать на Таню
И остывший кофий.

Это не опасно
И довольно круто.
А ведь как прекрасно
Начиналось утро!

12.10.1991

В далекой британской колонии,
Где плещется море синее,
Бродяга крапал симфонию
Про солнечную Абиссинию.

Он верил: приколов масса —
И скерцо пройдет на «ура».
Лицо искаjала гримаса
В ответ на стук топора.

Пройдя лабиринт акваторий,
Он счастлив был, как никогда.
Он помнил другое море,
Иные встречал города.

Во сне ему снились ляжки
И сиськи дородных матрон,
И бронзовые итальяшки,
И целый поднос макарон!

В далекой британской колонии,
Где жизнь распрекрасная самая,
Бродяга забывается в агонии
И крикнет в запале: «О, мама моя!»
Рассыплются нотные знаки
На рваном бумаги куске,
И утром чужие собаки
Найдут его ниц на песке.

16.10.1991

Я не любил женщин
с копытами и рогами,
Я любил женщин
с длинными и
стройными ногами.
Но у женщин на этот счет
свои мнения были,
И поэтому они меня
вообще ни в каком виде не
любили.

16.10.1991

Волны времени смыли песчинки судеб,
Океан мирозданья затих перед бурей.
Склоны жизни горьки, как отравленный хлеб,
И удачи не видно за скачущим буем...

А мне наплевать на такую погоду,
На жизненный этот расклад!
К чему напрягаться кому-то в угоду
И речи кричать невпопад?

Я клал вот такой вот на то-то и то-то,
Смеялся взахлеб над дурацкой судьбой.
В какие еще попаду переплеты,
Ведомый на слух Иерихонской трубой?

...Звезды стынившим пламенем блещут в ночи,
Шелестит тетивой непокорный Стрелец.
Умоляю тебя: помолчи, помолчи.
Обещаю, что это — еще не конец.

24.10.1991

Соблазнитель

О, этот чудный баловник,
Любимец женщин и бонвиван —
Из табакерки вдруг возник
И соскочил на твой диван!

Пускай рогат и колченог,
Но охмурять — большой мастак.
Ты под собой не чуешь ног,
А он на вид — такой простак.

Воняет дурно изо рта
И шерсть свалилась на спине,
Но отношений чистота
Тебе не снилась и во сне.

Не прикасаясь и рукой,
Он разбудил такой накал!
Ну, разве мог бы кто другой,
Налив бокал, напрячь вокал?

И пусть не спится до утра
Вам в помещении пустом —
Настанет час, придет пора,
И он уйдет, вильнув хвостом!

24.10.1991

Дорожная тянучка

Путь-дорога далека,
Не видать ни зги пока.
То ли скорчить дурака,
То ли сбацать гопака?

На привале у реки
Говорили старики,
Что вон те вон бирюки —
Ни фига не моряки.

Вниз по речке каждый год
Мужики сплавляют плот —
Бревна движутся вперед,
Но никак наоборот.

Славно пёхать по воде,
Хавать брызги в бороде.
Правда, в море, как нигде,
Можно съездить по балде.

Нам сейчас — кому куда.
Слышишь: море — ерунда.
Развеселые года,
Растакая чехарда.

Разжевав сомнений ком,
Лучше двигаться пеком,
С офигеннейшим мешком,
Для удобства — босиком.

Чтоб не плыть куда-нибудь
И не мерить жизни муть,
На крылечке прикорнуть —
Это самый верный путь.

Вот закончился привал,
Злые волны гонят вал,
Ветер песню заспевал
И возница закивал.

Ах, дорога клонит в сон,
Но кемарить — не резон.
Нойте байку про газон —
Кто вразброд, кто в унисон.

24.10.1991

Пенсионер союзного масштаба,
Ты был, и есть, и будешь при деньгах,
Ты из простого мелкого прораба
Поднялся ввысь и жил в иных мирах.

Ты наплевал с годами на барьера,
Не забывая все ж таки про нас.
Тебя любили даже пионеры
И комсомольцы не смыкали глаз.

И мы стоим с тобою на трибуне,
Охрипшие от праведных речей.
Как говорил про нас товарищ Бунин:
Броня крепка, но надо бы крепчей!

Пройдут года, и новые свершенья
Потомки на скрижали занесут.
Поздравь меня, товарищ, с повышеньем —
В нем есть и твой нелегкий скромный труд!

29.10.1991

Отплываем в далкий неведомый край,
И никто не помашет восторгом.
Эй, моряк, ты хотя бы себе пожелай
Долгих зим и бесчисленных лет!

Эй, моряк, почему ты оставил штурвал?
Почему ты как зверь закричал?
Это выловил вечно пустующий трап
Непонятно какую печаль.

По морям по волнам приключений лихих,
Сколько их — не разгонишь веслом.
Ты когда-то на суше забросил стихи,
А теперь вдруг опять понесло.

Ты на вахте стоишь и грустишь в непогодь,
Карандашником портишь блокнот.
Не выходит строка. Ты ей шепчешь: «Выходь!» —
И усмешка уродует рот.

Изливая тоску по далкой земле,
Где не ждет ни живая душа,
Ты плывешь в никуда на своем корабле,
По дороге бумагой шурша.

Ну, а если случится в пути ерунда
И прервется незримая нить —
Ты забросишь бутылку с записками в даль,
И отправишься крабов кормить.

01.11.1991

Танго

Вечером вдвоем на пилораме,
Приподнявши ствол за комелек,
Любовались звездными мирами,
И чадил в печурке уголек.

На складах заснувшие старушки
Прижимали трепетно к груди
Волглые слежавшиеся стружки,
Словно в узелочках бигуди.

Звезды нам загадочно мерцали,
На фуфайки kleilась смола.
Я, признаться, был официален,
Да и ты бы вряд ли мне дала.

Что же им, убогим, нынче снится:
Зимняя пурга?.. июльский зной?..
И мерцали старческие лица
Неземною, странной белизной.

04.11.1991

Соцпатриотическое

Знаменосцы, выше знамя!
Трубачи, трубите марш!
И сегодня Ленин с нами —
Зоркоглядый кормчий наш!

Все построены в колонны —
В бой за правду против лжи!
А талоны — что талоны?
Не единым хлебом жив...

Полководец красных армий
Строго зрит с трибуны вниз.
А казармы — что казармы?
Так на то ж и коммунизм!

Слава нашему народу!
Он и пляшет, и поет!
А свобода — что свобода?
Проживем и без нее!

04.11.1991

В коченеющем тельце душа закричит обреченно,
Верстовые столбы занесет непроглядная выюга...
Первый — пекарем был, а десятый по счету — ученым.
Где теперь эти горе-герои, ответь мне, подруга?

Эти моты и склочкини дрыхнут в пуховых постелях,
И под боком сопят обретенные на ночь гетеры.
Что вы знаете, други, об этих далеких метелях,
Что заносят померкшие искры утраченной веры?

Будет день, и полозья засвищут по тракту,
Белый снег заискрится, подтаяв на солнце.
В некрологе напишут, что было все так-то и так-то,
И, быть может, кому-нибудь все же взгрустнется.

26.11.1991

Сюжет для программы «Время»

Твой прикол не нов, товарищ —
К черту все конфессии:
Ты зачем, скажи, кемаришь
На верховной сессии?

Вот всхрапнул «вдавлетваренно»
И почмокал губками:
Бредит разум воспаленный
Вздорными поступками.

И пошел сюжет в эфир:
Депутат «откинутый»
Сладко дрыхнет на весь мир,
Тещею покинутый.

Голосуйте, голосуйте,
Сталевары, маляры!
Только чур — не обессудьте:
Теща — это не хухры!

26.11.1991

Дебют-2

Ключ не берет замок
И не подходят отмычки.
Лоб от волненья взмок,
Руки дрожат с непривычки.

Весь превратился в слух,
Нюх, осязанье и зренье.
Ночь, уже около двух.
Слезы — от невезенья.

Где-то старушка-мать
Дома о сыне тоскует...
Может быть, дверь сломать
Или же вскрыть другую?

И освещает рассвет
Синью следы преступленья.
Ты, матерясь почем свет,
Меришь шагами ступени.

Выкурив пять сигарет,
Чешешь седой качан.
Если уж навыка нет —
Нехрен не спать по ночам!

09.12.1991

Гость

Небрежно накинув на плечи пальто,
Он тихо вошел — не заметил никто.
А чья-то унылая мина
Цедила конъяк у камина.

Раздевшись, он выпил шампани фужер,
Болтая о чем-то по-свойски уже.
А чья-то отвратная мина
Лакала шартрез у камина.

Хозяин усадьбы вошедшему рад
И гости не сводят с вошедшего взгляд.
И чья-то похабная мина
Мигнула ему у камина.

О, этот галантный, лихой кавалер!
Все дамы нам ставили гостя в пример.
А чья-то несносная мина
Порола портвейн у камина.

Окончился вечер, и гость в тишину
С хозяйкой усадьб за дверь упорхнул.
И чья-то прокисшая мина
Обделалась возле камина.

Недолгая ночь приоткрыла покров
И гости уснули от винных паров.
Все так же чадили камины.
Неплохо прошли именины!

09.12.1991

Теперь ты будешь плавиться
От адского огня.
Порочная красавица,
Не вспоминай меня!

Делись скучными планами
Истерзанной души,
Гори в геенне пламенной —
Но только не греши!

И твоему падению
Я, несомненно, рад:
По Божьему велению —
Бес помощный кастрат.

Пусть крутят принцы датские
Перстами у виска:
О, наслажденья адские!
О, райская тоска!

09.12.1991

Земельный участок
Двенадцать на тридцать
Возделывать часто
Решили сестрицы,

Чтоб летом петрушка,
А также морковка
Кормили старушку —
Участницу ВОВка.*

Но злой председатель
Соседних угодий
Задумал продать
Небольшой огородик,

Поскольку земля —
Достоянье народа,
И нефиг в полях
Расцветать огородам.

Но эта старушка
И эти сестрички
Наделали пушки
И вынули спички.

Надменный предатель
И внук Тарразини —
Злодей-председатель
Горел в керосине!

Горел за капусту,
Горел за редиску,
Подбитый, как Руст,
Зажигалкой бандитской.

Наивный мечтатель,
Подстреленный в сраку,
Горел председатель —
Смеялся и плакал.

23.12.1991

Над городом солнце однажды — не встало,
А, как бы сказать — искрометно взлетело,
И в ту же секунду гореть перестало,
Застыв в неподвижное твердое тело.

Исчезли из города серные спички,
Фонарики, лампы и всякие свечки.
Я даже синяк получил с непривычки
И дико заблеял навроде овечки.

Ах, если бы я был хотя бы поэтом,
То мне бы нашлась, несомненно, работа:
Я мог написать бы про все бы про это,
В сердцах не жалея ни крови, ни пота.

Но я и читать-то, увы, не умею,
Лишь странному гласу пассивно внимаю
И, надо сказать, постепенно немею,
Поскольку уже кое-что понимаю.

Исчезли из города разные звуки
И вмиг прояснились небесные знаки,
И Сын Твой, Господь, протянул Свои руки
И трепетно обнял нас в стынущем мраке.

23.12.1991

Ты станешь старухой, и дряблое тело
Иссушит незнамый доселе недуг.
Скажи мне, ты этого разве хотела,
Резвясь в окружении беспечных подруг?

Я знаю, все так, несомненно, и будет:
Померкнет когда-то искрящийся взгляд,
И эти поникшие, вялые груди
Едва ли кого-нибудь воспламенят.

Согбенной походкой пройдешь по ступеням,
Теряя перчатки всегда и везде,
И доблестный внук — спиногрыз и репейник —
Насыплет в калоши сапожных гвоздей.

К чему, непонятно, нам жизнью короткой
Своей беспокоить в ночи небеса?
Когда-нибудь утром ты божьей коровкой
Войдешь в этот мир, чтобы петь и плясать.

23.12.1991

Я прокрадусь на сырой голубиной чердак
И прокричу «бу-бу-бу!» в вытяжную трубу.
В жизни моей беспорядок, и в доме — бардак.
К счастью, я видел все эти приколы в гробу.

Нет, чтобы мямлить невнятно и жить невпопад —
Лучше уж буду вагоны в депо разгружать.
Сколько их маётся нынче, беспечных ребят —
Ах! — не успевших до финиша в срок добежать.

Бей, барабан! Бубни, барабан!
Бодро шагай по отцовским гробам!
Крутится-вертится дней череда
И вечерами скрипит мой чердак.
Кто-то — не я — в вытяжную трубу
Темною ночью кричит «бу-бу-бу!».

23.12.1991

Я хотел бы нажраться в портовой пивной,
Подцепить безотказную шлюху,
Заказать поутряни кусок отбивной,
Жбан рассола и хлеба краюху,

А потом запалить свой подгнивший баркас,
На ходу все и вся проклиная...
Жаль, что короток мой невеселый рассказ
И невзрачен, как пена пивная.

26.12.1991

Заплачешь, вечный неудачник,
Как обворованный мешочник,

В портфель закинешь свой задачник
И спать затеешь, полуночник.

Твои угрюмые предтечи,
Сказав однажды: «Дело к ночи!» —
Гасили сникнувшие свечи,
Зевая сладко что есть мочи.

Смотри, смотри: по небу тучи!
Уже в потемках скрылась дача!
Идем, ушанки нахлобучив,
О судьбах родины судача.

Ты с каждой ночью спиши все крепче
И с каждым днем тебе все лучше.
О, как обрыдли эти речи
И притомили эти кручи!

12.11.1991, 03.01.1992

Если я не проснусь в девятнадцать часов
И не встану с постели и ночью я —
Не рыдайте на семьдесят семь голосов,
Дорогие, родные, и прочая...

Кто подарит мне этот свинцовый рассвет?
Кто отвалит мне утречко раннее?
Словом, был человек — и меня уже нет.
До свидания все! До свидания!

Ровно в полночь моя вознесется душа,
Трубный глас пропоет мне воинственно.
Я небесной струей воспарю не спеша,
Прокурлыкаю птицей таинственной.

И по синему следу в незнамую даль
Заструюсь я искристою реченькой,
Но и в этот момент вряд ли будет вам жаль
Упорхнувшего ввысь человечика.

04.01.1992

Но пасаран! Они здесь не пройдут!
Обломится поганым мусорам!
Сегодня я необычайно крут,
Поскольку пиво лупит по шарам.

Расталкивая стройные ряды
И распахнув помятое пальто —
Я оставляю влажные следы,
Пройдя сквозь вас тайком, инкогнито.

Все потому, что жалок мой протест,
Невнятен слог и неразборчив взгляд,
И восемь литров за один присест
Навряд ли оппонентов удивят.

04.01.1992

«**С**очное мясо пираньи
Я заедаю папайей.
Ветер затих в океане —
Нежно каноэ ласкает».

Ты говоришь: «Что такое?
Слов не понять, хоть ты тресни!»
Лежа под старой секвойей,
Тихо пою эту песню.

04.01.1992

Я далеко — в известных только мне
Прекрасных и таинственных мирах,
Среди искристых сказочных камней,
Разбросанных в неведомых горах.

Пусть в этой жизни зол и нелюдим,
Но в непонятных призрачных краях —
Я где-то там парю себе один
И наслаждаюсь мигом бытия.

04.01.1992

А мы амброзию тянули из стакана
В дыму табачном и колбасной кожуре,
А в это время вышел месяц из тумана,
И вынул ножик, и сказал, что будет ре...

Я заведу себе ручного павиана,
Побреюсь, постригусь и брошу пить.
А в это время выйдет месяц из тумана
И промурлычет: все равно тебе водить!

16.01.1992

Бутерброд с икоркой —
Славная закуска.
Ты как был шестеркой —
Так вот и загнулся.

Думал — двинешь в Палестины?
Оросишь Пенаты?
От уборной до гостиной —
Вот и все дела-то.

На больничной койке
Скурвиться — потеха.
Булькает настойка
И «чердак» «поехал».

Думал — съездишь по Европам?
Схватишь черта в ступе?
Эх, накрылся твой Некрополь
Ни за пару рупий!

19.01.1992

В старой пепельнице тлеют папиросы,
Капли вермута сверкают в бороде.
Помню-помню, ты была такой курносой,
И косички заплетала каждый день.

А однажды на последней переменке,
Побежав ловить подбитого чижка,
Ты разбила свои тонкие коленки,
И весь класс тебя до дома провожал.

Или, помню, своему соседу Мишке
Подарила на седьмое ноября
Две потрепанные старенькие книжки
Про сокровища, пиратов и моря.

А на вечере прощания со школой
Любовался я тобою, не дыша:
Ты была непозволительно веселой,
Возмутительно-чертовски хороша!

Мне глаза твои о многом рассказали,
Ну да что теперь вздыхать — окончен бал.
И тебя сегодня «снял» я на вокзале,
Потому что совершенно не узнал.

19.01.1992

Вот она, вот она — ваша свобода,
Ваша хваленая девочка-школьница.
Дым папиросный — струя парохода,
Да и к тому же «морфушко» колется.

Где твоя в прошлом невинность хваленая —
Анахронизм, позабытый с пеленками?
Что же пускаешь ты сопли зеленые
И неумело стреляешь глазенками?

Пыльное, мятое, рваное платьице.
Вздорная девка, доступная каждому.
И к матерям растаким-то пусть катится
Ваша богиня, товарищи-граждане.

19.01.1992

На предполагаемую смерть NN

Телефонный звонок
В шесть утра разбудил.
Я подняться не смог —
Что-то сжалось в груди.

Ровно в три двадцать семь, —
Так задумал Господь, —
Ты ушла насовсем
От меня в непогодь.

А за окнами — ночь,
А за шторами — день.
Я не в силах помочь:
Ты и здесь, и нигде.

С неизбывной тоской
Ты маячишь вдали —
В мельтешне городской,
В тротуарной пыли.

19.01.1992

В подлеске на осине
Болтался чай-то труп,
Лицом багрово-синий
И сердцем — однолюб.

Посмертная записка
Приколота к груди:
«Прощай, моя Анфиска,
И к ужину не жди!»

Нескромные вороны
Карябают карман.
Он в жизни был Ароном
И звался Либерман.

Жена всплакнет украдкой:
«Кровиночка моя!» —
И сладкой шоколадкой
Закусает коньяк.

12.02.1992

Ласковый и нежный ветерок
В сколыхнул усталую лагуну.
Старенький разбитый катерок
Думал нераздуманную думу.

В море беззаботная треска
Щекотала днище старикану,
Что застыл у неподвижных скал,
Притворившись трупом бездыханным.

Дизелист отправился в запой,
Рыжий лоцман умер от обжорства,
И матросы дружною толпой
Ссыпались на неприглядный остров.

Озирая мутный горизонт,
Он бурчал, предателям назло:
«Ну и что, что в жизни не везет!
А кому из вас когда везло?»

12.02.1992

Ты плейбой и я плейбой —
Оба мы плейбои.
Ты кривой, а я рябой —
Нет от баб отбоя.

Мы живем с тобой давно
В папиной квартире.
Ты играешь в домино,
Я — сижу в сортире.

12.02.1992

Сторож Егоров

Бот ловкач этот сторож Егоров —
Неуемный угрюмый старик.
Волкодав у него — словно боров,
А в руках всегда — дробовик.

Он поводит сурово очами,
Дым струится из сизых ноздрей.
Не заманишь его калачами
И не купишь за тыщу рублей.

Он впотьмах улыбается криво,
Сквозь прицел созерцая врагов,
И портвейн неземного разлива
Нежно радует сердце его.

Он ласкает его и лелеет,
Предвкушая нехилый оттяг,
И над ним смутным пугалом реет
Сельсоветовский выцветший флаг.

15.02.1992

Голубчик Петрушка

Голубчик Петрушка, не медля скажи —
Зачем ты всегда недоволен?
Ты путаешь жутко во сне падежи,
А если не спиши — то тем боле.

Милейший лопух, ты всегда и везде
Кичишься ненужной оттяжкой.
Как старый лошак, ты кривишь в борозде
И дышишь надрывно и тяжко.

И женщины были, и вина лились,
И всякие трюки творились...
Голубчик Петрушка, не медля колись —
Куда эти дни удалились?
Куда все исчезло — навек, без следа?
Ответь добряку и повесе.
Голубчик Петрушка, ты весел всегда,
Но — не по-хорошему весел.

15.02.1992

Ручки мои, рученьки.
Ножки мои, ноженьки.
Мы ребята лучники,
Вы — ребята кожники.

Мы такие смелые,
Сильные, каленые.
Вы такие белые,
Вялые, холеные.

Глазки мои, глазоньки.
Ушки мои, ушеньки.
Мы ребята праздники,
Ну а вы — домушники.

Мы такие резвые,
Бодрые и славные.
Вы — всегда нетрезвые,
Но во всем вы главные.

Вот, мол, вашим рученькам!
Ну и что, что белые?..
Тайные лазутчики,
Что же вы наделали?!

Все ребята-праздники
По углам валяются.
Кожники-проказники
Злобно забавляются.

И поникли плечики
От суровой критики.
Лучники-кузнечики —
Скверные политики.

15.02.1992

«**Т**ы посмеешься надо мной, а я заплачу.
О, до чего мне бесконечно одиноко!»
Ну, на хрена меня редактор озадачил
И ограничил, паразит, коротким сроком?!

Кто про любовь, кто — про далекие лиманы,
А кто — про тайную угасшую мечту...
А вы пишите, дорогие графоманы —
Я всех-всех-всех вас обязательно прочту.

19.02.1992

Картина неизвестного художника

Всю исследовав вдоль-поперек, —
Непогодь и метель на картине, —
Наш завсклада угрюмо изрек:
«Ну, пущай повисит в карантине».

Десять тысяч небрежных мазков,
В них — и слезы вместились, и горе.
И смотрели больные с тоской
На пейзаж, что висел в коридоре.

Иногда пааноик Петров
Донимал нас дурнымиарами,
Вдохновленный порывом ветров
И скучными, как совесть, тонами.

Он глядел на суровый пейзаж
Мутным взором — печальным и кротким:
Ничего, что четвертый этаж,
Ничего, что на окнах решетки...

1. Никого — ты хоть выссы глаза:
Непогодь и метель на картине.
И завсклада угрюмо казал:
«Ну, пущай повисит в карантине».

2.

3.

4.

5. Персонал был дотошен и строг,
Зачастую суров и печален.
Разве выскажешь в несколько строк
То, о чем горько плачешь ночами?

6. Выцветал обветшавший багет,
За подрамником корчились мухи...
Я хочу заказать свой портрет —
На коне и в кургузом треухе.

19.02.1992, 24.02.1992

Разбросаны вещички на полу
И жизнь течет из освещенных окон.
Я потерял твой золотистый локон,
Но помню твой прощальный поцелуй.

Дорога чем-нибудь, да удивит —
Тебе ль искать превратностей, повеса?
Вот скрылись огоньки за кромкой леса,
Открылся взору пригородный вид.

Куда бежишь, что ищешь где-то там,
За непрглядной кромкой горизонта?
Уймись, боец невидимого фронта:
Никто не рыщет следом по пятам.

К чему теперь придерживаться правил
И мыкаться в потемках и грозе?
Ты сдуру растерял таких друзей!
Такую дома женщину оставил!

Со временем исчезнут миражи,
Не сразу, а, как водится — с годами,
Но гонит нас в невидимые дали
Другая жизнь — неведомая жизнь.

01.03.1992, Геленджик

Тетка в юбке
Ходит по пристани.
Те, кто в рубке,
Таращатся пристально.

Эх, вот это талия,
Параметры-форматы!
На фиг нам Италия,
Греция и Штаты!

Капитан Тротилов,
Строгий и хмурый,
Кипеж закатил нам
За эти шуры-муры.

Крикнул: «Тетка в красном!
Эй, ты, жопа!
Здесь ходить опасно!
Ну-ка, топай!»

01.03.1992, Геленджик

Ты зачем трепался в коридоре,
Что у нас с Сережею роман?
Я ему разок дала, не боле.
Нафига так делаешь, Диман?

И уже Андрюша и Кирюша,
Николай, Антон и Родион
Не хотят меня теперь и слушать,
Раз такой случился закидон.

И ходи как дура и растяпа,
И красней от маковки до пят:
Если раньше каждый первый лапал,
То сейчас и видеть не хотят.

01.03.1992, Геленджик

«...**А** вечером спустились упыри
На крышу недостроенного дома,
И там до первых проблесков зари
Мешали спать соседям и знакомым...»

И горе-гости скажут: «Ну и ну!
Да ты приврать горазд, Степан Иваныч!» —
И отойдут, усталые, ко сну,
И я им всем помою ноги на ночь.

Останутся окурки на столе
И будет недоедена закуска,
А за окном в неразличимой мгле
Блеснут глаза — загадочно и тускло.

К чему теперь ненужный эпатаж —
Он скуку на пиита навевает.
Я в курсе, что двенадцатый этаж,
И Карлсонов в природе не бывает.

04.03.1992, пос. Новомихайловский Туапсинского р-на

Сеанс для детей за тридцать

I

Мне приснились кусачки
И отрез крепдешина...
У задрипанной прачки
Ошивался мужчина...

Заводная старушка
Тарахтела костями...
Голубая подушка
Доедалась гостями...

Ты сказала: «Не надо!
Ни к чему эти бредни!
Ах, напрасно по саду
Мы слонялись намедни!»

Эти хмурые всхлипы
Овдовевшей гражданки
Мне напомнили скрипты
Раскладной оттоманки.

А ненастная осень
Шелестела листвою.
Мусора на откосе
Обжирались ботвою.

Я ужасно скучаю,
Я мечтаю напиться,
Мне не спится ночами,
Но от снов не укрыться.

II

Я хотел бы верлибром
Накатать эпохалку,
Но подобным калибром
Слог расходовать жалко.

Ни к чему нам детали
И все прочие штуки...
Как меня замотали
Эти звуки и трюки!

Ты стелила постельку
Под мелодию вальса,
Я сосал карамельку
И впотьмах улыбался.

Овдовевшая стерва,
Ты старалась напрасно,
Потому что я первый
Обо всем догадался.

Напоследок немножко
Я прошелся о вкусах,
И синел под окошком
Обожравшийся мусор.

Паровозные трели
Оглашали окрестность.
Мы в окошко смотрели —
До чего интересно!

III

Пятачок на дорогу —
Вот и все, что осталось.
Я не выглядел строго —
Ты сама нарывалась.

Ты тряслась телефоном
И казалась капризной —
Это с мужем законным
Был сеанс спиритизма.

Мы курили и пели,
Мы дымили-паяли,
А потом ослабели
И легли, где стояли.

Отшумели романсы —
Ни к чему нам стремиться
Наочные сеансы
Для детей, что за тридцать.

Мусора под окошком
Заскребли сапогами
И доели по крошкам
Весь пакет с пирогами.

Вот и вышла всего лишь
Пересменка сквозная...
Ты сказала: «Позвонишь?»
Я ответил: «Не знаю».

06.03.1992, Геленджик

Ему размозжили
Кочан топором.
Мы весело жили.
Отчалил паром.

Капуста на грядке
Лежит не у дел.
И он был в порядке,
Да много гудел.

Отвесь мне, паромщик,
Любимец богов,
Как истинный взломщик
Живет без рогов?

Сказал санитар мне:
«Я не разберусь,
Откуда у парня
Испанская грусть?»

Мы плыли три ночи,
Мы плыли три дня.
Навряд ли кто хочет
Дослушать меня.

Живу, орошая
Родные края.
Отчизна большая —
Гренада моя.

07.03.1992, Геленджик

Я напьюсь и умру под забором,
Непонятным призывом влеком,
И на грудь мою спустится ворон,
И в глаза мне заглянет тайком.

Я когда-то смеялся и плакал,
И не думал я, и не гадал,
Что зароюсь в бурьян, как собака,
И уставлюсь с тоской в никуда.
И прохожая скажет старуха,
Отвращенья ко мне не тая:
«Этот выноша мамку не слыхал,
Оттого и упал, где стоял.

Был он жулик, бандит, кровопийца,
И друзей где попало бросал...»
На груди мой съежится птица
И вспорхнет высоко в небеса.

07.03.1992, Геленджик

Вот вам история странная,
Запутанная, я бы сказал, история,
Непонятная, до конца не осознанная,
Невнятная, нечленораздельная.

Или вот вам еще история,
Простая и незамысловатая —
В ней все по буквам разжевано,
Переварено и... переосмыслено.
Ну, а как вам, к примеру, вот эта:
В ней про то, как... сами понимаете.
А потом еще... ну... это самое...
Да-да, вот вы, третий в пятом ряду,
Совершенно правильно мыслите:
Как-то так невероятно логически,
Прагматически и, как я погляжу, цинически.
И поэтому вот вам еще история,
Моя самая любимая история,
Моя самая замечательная.

08.03.1992, Геленджик

**Рассказка про Колю и про школу,
про Колиных папу и маму,
про папы маминых папу и маму,
и т. д., и т. п.**

Познакомьтесь — это Коля,
Он остряк и весельчак,
Оттого у Коли в школе
Происходит кавардак.

То начнет решать задачу —
Нарисует горбунка,
И уже по классу скачет,
Не дождавшися звонка.

То во время перемены
Он облизит все углы —
И распишет мелом стены,
Стулья, парты и полы.

Наш директор невеселый
В класс заходит и басит,
Что пускай, мол, Коля в школу
Папу с мамой пригласит.

Вот приходит в школу папа,
И директору в ответ:
«Дай на счастье, Джим, мне лапу,
Так как счастья в жизни нет!»

Наш директор от беседы
Неожиданно икнул:
Это мама напоследок
Кнопку сунула на стул.

И директор очень странно
Произносит, как во сне:
«Чтоб без папы и без мамы
Не являлись вы ко мне!»

Колин дедушка Сережа,
Колин дедушка Степан —
Хулиганистые тоже
Два веселых старика.

Вслед за бабушкой Наташой
Клава бабушка идет.
Так и есть — рассказке нашей
Только их недостает!

Водят дружно хороводы,
Песни весело поют,
И директору прохода
Никакого не дают.

«Это что за представленье!
Это что за балаган!» —
Наш директор в исступлены
Заревел, как ураган.

Он очки достал из шкапа
И вскричал, как никогда:
«Где все ваши мамы-папы?
Ну-ка, живо их сюда!»

08.03.1992, Геленджик

Сказала мне Ирина:
«Ну, че ты здесь сидишь
С несносной пресной миной,
Нашкодивший мальчиш?»

Зачем пришил карманы
К помятому плащу?
Такого наркомана
Вовеки не прощу!»

Ну, что сказать Ирине?
Набычившись, молчу.
Намедни дозу принял,
И с дозы той торчу.

Она ж понять не хочет
Меня, шпану и рвань,
Что если нету мочи —
Любую колеешь дрянь.

Соседи по подъезду
«Чернила» на ночь пьют.
Не то что мне проезду —
Проходу не дают.

Пойду, найду веревку,
Залезу на пенек...
Сижу себе неловко
И пялюсь в потолок.

14.03.1992

В Папуа-Новой Гвинеи
Под золотистой листвою
Я от свободы пьянею
И нарушаю устои.

Видела б бедная мама
Тутошней жизни приколы:
Аборигены в вигвамах
Пьют по утрам кока-колу.

04.04.1992

Он был крут не по годам,
Этот псевдо-Клод Вандам.

И что у этого бича
Все бабы висли на плечах?

Когда б я был не там, а тут —
Я б тоже был изрядно крут.

А так — сижу, ни то, ни се,
И водку пью. Налей, Васек!

05.04.1992

А ему все лучшее и лучше —
Головенка приподнимается.
Я-то думал, что он после путча
Вообще теперь не оклемается.

Ну, а он продирает глазки,
Ну, а он потирает ручки...
Вот с того-то дня я в завязке
И домой приношу все получки.

11.04.1992

Когда я был маленьким мальчиком,
Я мечтал стать маленькой девочкой,
Но, став маленькой девочкой,
Я заплакал как маленький-маленький.
Ну подумайте: я — маленькая девочка!
Нет, представьте: я — маленькая девочка!
Да вы даже и подумать такого не можете,
И представить себе такого не можете,
Потому что все вы, маленькие мальчики и девочки,
Никогда-никогда не были маленькими девочками и мальчиками.

11.04.1992

Некропатриотическое

Мой сосед по окопу лежал, размахнув рукава
Долгополой, пропахшей мазутом шинели.
На руках его скрюченных трупные пятна синели
И склонилась упавшая ниц голова.

Шевелился от ветра колтун обагренных волос
И глаза облепили какие-то жирные мухи.
Я стерплю униженья любые и всякие муки,
Я зароюсь в одну из ближайших окопных полос.

Только б не было этого марева, этого бреда.
Пересилить подобное, к частию, доступно не многим.
Если б целыми были мои руки-ноги —
Я давным бы давно перебрался подальше отседа.

11.04.1992

Небесное и земное

Мораль проста,
и усложнять ее не стоит,
Кривя в усмешке алчные уста:
Мы нарушали здешние устои
Задолго до пришествия Христа.

Что врать: «Кому — любовь, кому — отрава»?
Пророки спят, и ангелы снуют
Туда-сюда — налево и направо,
И наше счастье у станков куют.

Я так и вижу эту наковальню
И крылья, подгоревшие слегка.
А ты кричишь в сердцах: «Немедля в спальню!
В постель!» — и обрывается строка

В том самом ме...

11.04.1992

Дорогая моя,
Мне хотелось тебе намекнуть:
Дорогая моя,
Я устал и хочу отдохнуть.

Я уеду отсюда подальше
В чужие края,
Где не будет немыслимой фальши,
Дорогая моя.

Дорогая моя,
Продолженья не будет уже.
Дорогая моя —
Ты скучна мне в своем неглиже.

Загрустишь в тишине, ненадолго
Обиду тая,
И поправишь в прическе заколку,
Дорогая моя.

Дорогая моя,
Этот месяц по имени март,
Дорогая моя,
Спутал множество меченых карт.

Нагадали: в беспечной судьбе —
Золотая струя.
Но никто не вернется к тебе,
Дорогая моя.

13.04.1992

Плачет дяденька прямо в окошко.
Дяденьке плохо, а мне хорошо:
Я три рубля в коридоре нашел
И «замочил» посошок на дорожку.
Ах, как мне хорошо!

Рядом с тем дяденькой воет собачка.
Жалко собачку — ну, просто навзрыд.
Так и глазею. Рот, правда, закрыт.
Только стою, как всегда — враскорячку.
Ах, как мне хорошо!

Вслед за собачкой рыдает старушка,
И не пойму я — кого мне жальчей.
Из-под штанины струится ручей
И над макушкою кружится мушка.
Ах, как мне хорошо!

Мне б притулиться у этой скамейки,
Облокотиться на пыльный бордюр.
Мне хорошо, я сегодня балдю,
Внемля стенаньям унылой семейки.
Ах, как мне хорошо!

13.04.1992

Мечта

Мне бы плыть в белой лодке по белой воде:
Молоко ли, кисель — непонятно.
Я сегодня везде, потому что — нигде,
И в глазах моих кружатся пятна.

Я что вижу порою — о том и пою,
А пою я о том же, что вижу:
Вот уже наливаю и сладостно пью
Тошнотворную терпкую жижу.

Вот опять наливаю и снова тяну,
И смакую, лакаю, глотаю,
И читаю навзрыд по слогам «Целину»,
И в глобальности мира вникаю.

Мне и пить не велят, и не пить не могу,
Оттого и шепчу по секрету:
«Я отсюда когда-нибудь точно сбегу:
В белой лодке — по белому свету».

18.04.1992

из цикла «Утренние созерцания»

Белый клин кирпичей силикатных
Одиноко курлычет вдали.
Не поймите, ребята, превратно —
Мы на юг улететь не смогли.

Опустите квадратные лица
И засуньте туда языки,
Где случаются, как говорится,
Отвратительные сквозняки.

Переломы и мелкие травмы
Утешают всего лишь на миг.
Нам до фени кровавые драмы
На страницах зачитанных книг.

Жизнь такие диктует сюжеты,
Что порою без всяких причин
Над полями парят не кометы,
А какие-то там кирпичи.

03.05.1992, Москва

Мадам, я целую Вам плечи,
Вы млеете вся от смущенья,
Но козыри биты, и нечем
Их крыть.

Принимаю решенье:

Сегодня, сейчас, и не медля —
Ко мне, в слободскую усадьбу!
Домчимся на тройке к обедне,
А вечером — пышную свадьбу!

...Под утро утихли цыгане
И гости на знойной мансарде.
Князь Галицкий плакал в фонтане
И нимфу по мрамору гладил.

03.05.1992, Москва

Печальные вести с территории Украины, оккупированной фашистскими войсками

Перчик, жалей о загубленной старости
И потирай утомленные прелести:
Раньше хватало какой-нибудь малости,
Чтобы себя ощущать ерепенистей.

То ли еще ожидается вскорости!
Хлюпашь скрюченным носом от сырости.
Давеча прелесть «посеял» ты в хворосте —
А попытайся-ка, новую вырасти!
Зашевелились бездарные серости
И настучали поместному старости.
Доблестный Перчик, вникай в эти мерзости
И сожалей о загубленной старости.

03.05.1992, Москва

Мой изысканный слог —
Абсолютный пустяк.
Я похлеще не смог,
Потому как — иссяк.

Отгребели слова,
Не болит голова,
И теперь черта с два
Одолеет мольба.

04.05.1992, (ночь), Москва

Я был немало огорчен,
Когда сказала ты:
— Короче, так: ну, если че —
Завалимся в кусты.

Я был отчаянно влюблен,
Я робок был и мал,
Но я из тысячи имен
Твое всегда шептал.

Я обрывал в ночи газон,
У двери клал цветы.
Но вот мы вышли на озон,
И мне сказала ты:

— Да у тебя хоть совесть есть?
Ну че ты, блин, Васек?
Тут до фига нехилых мест,
А ты — ни то, ни се.

04.05.1992, Москва

Доподлинная история

о том, как в мае 19... года я, будучи в городе Н-ске, стал свидетелем чудовищного землетрясения, наводнения, оползня, взрыва АЭС и пришествия Антихриста

А вроде, день не предвещал
Сегодня перевоплощений:
Два алкоголика в плащах
Палили в тире по мишням;

Окаменевший постовой
Маячил, как звезда во мраке,
И на булыжной мостовой
Валялись дохлые собаки.

Я шел, и трубкой полыхал,
И пялил зенки на прохожих,
Поскольку утром забухал,
Затем — в обед, и — чуть попозже.

В кармане мелочью гремел,
В себя табачный дым вдыхая,
А зной полуденный немел
И шли трамваи, громыхая.

Все изменилось как-то так,
Буквально в несколько мгновений:
Поток дорожный вдруг иссяк,
Оставив голые каменья;

Исчезли арки и мосты,
Кусты, скамейки и трамваи,
Менты оставили посты
И молча Голосу внимали.

И я там был, и я внимал,
Стоял, нетерпеливо мялся,
И ничего не понимал,
И ни фига не озарялся.

Какой был день! Погодка, блин!
А вышло все совсем иначе:
Стою, как лох, среди руин,
Смотрю вокруг, смеюсь и плачу.

05.05.1992, Москва

**Вождь мирового пролетариата
В. И. Ленин
учит мировой пролетариат писать стихи**

Я — самый человечный человек,
Я — вождь пролетарята мирового,
Рифмую с «человеком» слово «век»,
И с «мировым» рифмую «полового».

Я и сейчас живее всех живых,
Я всем и вся дороже всех на свете,
И каждый вздох мой, всхлип мой, пук и чих
Мгновенно раздается по планете.

Вот Шушенское, Горки и Разлив,
Вот Цюрих, Мюнхен вот и вот Варшава —
Все замерли, дыханье затаив,
А я твержу налево и направо:

Поскольку я — немыслимый гигант,
На ум приходят образы невольно,
Что имя «Надя Крупская» — «Арманд»,
А к слову «Смольный» — рифма «алкогольный».

05.05.1992, Москва

Мы все пытались вырваться скорей
От каверзных переплетений быта,
Забыв про отложение солей
И про причуды полимеолита.

Сизиф — с горы, а мы — поди, сдержи:
Чихали на подагры и одышки!
И нас не утомляли виражи,
Не подводили порши и покрышки.

Блазнилась цель, и мнилась сгоряча
Неблизкою, но сказочно прекрасной.
Никто права друг другу не качал:
Все было вразумительно и ясно.

А где мораль? Да с черта ли мораль?!
С моралью, как всегда — непостоянство.
Нас подвела неброская деталь,
Нас охладили время и пространство.

Там был главврач, и весь медперсонал,
И всякие столичные светила,
И некто в белом под «чумой» стонал,
И жизнь песком сквозь пальцы уходила...

19.07.1992

Песнь о визуально зафиксированном отделении души от тела

Ты сегодня умрешь нехорошой смертью,
Ты будешь терзаться пять часов кряду,
Ты получишь странное письмо в конверте
И насыплемешь в бокал кристаллического яду.

Будет pena хлестать из губ твоих синих,
Ты прикусишь язык, разобьешь затылок.
Этот яд продается в любом магазине.
Ты купил его, сдав тридцать девять бутылок.

И никто не придет, в одиночестве полном
Ты затихнешь на старом корявом паркете.
За окошком будут шуметь волны,
И детей разгонит порывистый ветер.

Из глазниц твоих выпорхнут серые птицы,
Изо рта — сонмы пиявиц гадких,
И прохожие к небу подымут лица,
И соседский Плохиш достанет рогатку.

19.07.1992

Сумасшествие (сиречь сощество с ума)

Ай эм крейзи... К чему слова?
Слов ненужных утих накал.
Заклеймила меня мольва,
Разбудила во мне — дурака.

Я и сам от догадок сник,
Потому как понять не мог,
Отчего вдруг в один миг
Изменился объем строк.

Я устал от дрожанья рук,
Я отвык от теченья рек,
Я замкнулся в порочный круг
И замедлил минут бег.

Мне хотелось хоть раз всплыть,
Хоть на миг позабыть жуть,
Хоть на час перестать выть.
Ай эм... Впрочем, не важно суть.

02.08.1992

Ком цумир, дорогая Hellen,
Поздний ужин расслабил нас.
Я коснусь твоих тонких колен
И лениво прикрою глаз.

Но в ответ на такой прищур
Ты ослабишь сплетенье ног:
— Никогда тебе не прощу:
Я хотела, а ты — не смог!

02.08.1992, Москва

Мне поддувает зюйд-вест
В пару интимных мест.
Если бы дул норд-ост —
Я прищемил бы хвост.

Я обозлился весь
На неполадки здесь.
Но испугался: вдруг
Смолкнет мой сердца стук?

02.08.1992, Москва

На островах в Океании
Жизнь беззаботней, чем в Кении.
В сетях гигантомании
Трачу свое терпение.

Все протекает безоблачно,
Только порой, не зная,
Рядом с какой-нибудь сволочью
Сядешь и съешь папайю.

02.08.1992, Москва

Явление номер раз

Часы на башне бьют тринадцать раз.
Семнадцать... Девятнадцать... Что за черт?!
Взбегая вверх по мраморным ступеням,
Я тщетно вспоминаю схему смычек
И неких многозубых шестерен.
Так, в свою бытность сельским звонарем,
Я обучался музыке гармоний
И, внимая звукам всяческих цикад,
И песням трав, и всплеску влажных весел,
Я часто повторял: «О! Боже мой!
Как хорошо! Вонстину, онcles!!»
...Вот двадцать два, а следом — двадцать три.
Сто сорок семь ступеней пролетел и не заметил:
Словно по прямой, на крыльях ввысь вознесся.
Дальний флигель
гудел, как мириады диких ос.
Все механизмы вроде бы в порядке.
Так, здесь порядок тоже. Здесь и здесь —
Все хорошо. Да что за ерунда!
Пробило тридцать пять... Уж скоро — сорок,
А неполадки не устраниены.
Мне помнится, Валерия тайком
Спускалась в ночь из двухэтажной спальни
И томно повторяла: «O, main got!»
Затем, прижавшись к трепетному сердцу,
Шептала жарко мне: «Еще, еще!»
Но каюсь: почему-то пятый аз
Был менее желан, чем, скажем, первый.
Вот так и здесь: пробило сорок девять,
А я мечусь, как старый идиот
И повторяю: «Все в порядке... Странно!»

Но тут блеснул за маятником свет
И, раздвигая паутину, весь в пыли
Явился ангел мне и молвил так:
«Остынь, несчастный! Всю жизнь искал
неведомо чего.

Так неужели думаешь, что нынче
сыщешь?

Ты слышишь ли хорал? Цимбалы, трубы, бубны
И вскрики душ невинных?
Часы здесь не при чем. То сердце
Стучит в твои белесые виски,
И жить тебе осталось семь ударов.
Прислушайся: один... два... три... четыре... пять...» —
И с тем исчез.

А я стоял и слушал:
Шесть... семь...

02.08.1992, Москва

Соперник

Это чучело в кроватке
Считает ножками и плачет.
До чего он, мама, гадкий —
Этот незнакомый мальчик.

Для него — вагон вниманья,
Для меня же — фунт презренья.
Я валяюсь на диване,
Сладко чавкая от лени.

Он совсем еще не ходит,
Не читает, не рисует.
Он глазенками поводит,
Лижет пятую босую.

Я варенье из кладовки
Потихоньку доедаю,
Потому что брат мой, Вовка,
Очень быстро подрастает.

Он отнимет все игрушки,
Он испишет все тетрадки,
Разбросает все подушки
И рубашки в беспорядке.

Поливает папа дачу,
Мама штопает носки.
Я сижу себе и плачу,
Хоть и взрослый все-таки.

02.08.1992, Москва

Я люблю помидоры и персики,
А еще я люблю арбузы.
Если б жил я, к примеру, в Мексике —
Ох, наелся бы я от пузя!

Но веду себя не спортивно я
И якшусь со стервецами,
Заедая водку противную
Пересоленными огурцами.

02.08.1992, Москва

Ах, божие коровки!
Ах, сойки да клесты!
Стою на остановке
И писаю в кусты.

Я ухмыляюсь криво,
Прищурив левый глаз:
Вот вам бы это пиво,
Да столько, да сейчас!

В траве сидел кузнецик,
Любуюсь на росу.
Мне просто делать нечего —
Стою себе и ссы.

15.11.1992

**Листая страницы старинных романов,
Шалея от странных в романах картинок —
Мой друг, вам хотелось бы стать д'Артаньяном,
Примерив бумажный колпак Буратино?**

Мне слышались звуки минувшего лета,
Они шелестели загадочным эхом.
О, я вам раскрою такие секреты!
О, я вам устрою такие потехи!

Стремясь к стеллажам по скрипучей стремянке,
В сердцах отметая роман за романом —
Пусть я уподоблюсь смешной обезьянке,
Скользящей по пальме за влажным бананом.

Ты зря провоцировал эти вопросы,
Вникая в пустые, ненужные споры.
Резной мальчуган с облупившимся носом,
Тебе никогда не бывать мушкетером!

15.11.1992

Метаморфозы

Я был колюч как еж
И мал как муравей,
А ты мне не даешь
Четыреста рублей.

Я буду как дитя
И как воздушный змей,
Лишь ты б дала хотя б
Четыреста рублей.

Послушай, не тяни
И не шипи гусем.
Зачем мене они?
Ну надо, вот и все.

20.04.1993

Стихотворение,
которое автор написал
двадцатого апреля тысяча девятьсот девяносто
третьего года
в пятнадцать часов пятьдесят минут,
сидя в туалете

Я пишу неплохие стихи в туалете,
Вновь пульсирует кровь в поредевших висках,
А вокруг тишь и гладь на безумной планете:
И заначка в носках,
И порядок в войсках.

Этой воли и прелестей этой свободы
Не изведать уже никому, никогда.
И молчат надо мной туалетные своды,
И гудят провода,
И струится вода.

Так обычно проходят последние годы...

Далее неофициальная приписка от руки:
«И встает над Сионом Давида звезда».

20.04.1993

из цикла «Утренние созерцания»

Вчера (а вернее — недавно)
я видел вас у ресторана
вели вы себя бесславно
и вслух выражались пространно

вокруг вас крутились
тачки
и веселились
хачики

я плонул на это гордо
и вдаль удалился нетвердо

погода творилась, что надо,
но было не до лимонада

стихи, это дело такое...
а впрочем, об этом не стоит

29.04.1993

Амударья да Сырдарья,
Ах, почему не киндер я?
Ах, почему я не ковбой?
Ах, почему я голубой?

Моя рука — твоя рука,
И песня тянется пока.
Пусть каждый праведный акын
Все сабли — вытыргындырыгын!

26.05.1993

А ведь как хорохорился, сукин сын,
Как смеялся и щурился зло!
После пары кружочеков гнилой колбасы
И стакана горилки его развезло.

И старался понравиться — экий пижон!
И шептал: не уйдешь, шалишь!
А она допила шипучий крюшон
И сказала: пока, малыш!

И все будет потом, и не нужно сейчас
Ни скандалов, ни глупых сцен.
Он торчал у подъезда битый час
С кислой миной на постном лице.

И это был день, и настала ночь,
И в ночи мерцала луна,
И он побрел восвояси-прочь,
Зеленея от бодуна.

А она сидела совсем одна,
И ей было легко на душе,
И ей не было дела ни до бодуна,
Ни до прочих смешных вещей.

Ни до слез, ни до роз, ни до грез, ни до фраз —
Ей было всего лишь забавно.
Для него это было не в первый раз,
Для нее — и подавно.

13.06.1993

из цикла «Утренние созерцания»

На площади высится стела,
Повсюду покой и уют,
Везде продают «Изабеллу»
И в морду бесплатно дают.

Вольно же вам, други, смеяться,
Внимая мой праведный стих,
Но я от таких пертурбаций
Завял и мгновенно утих.

Кровавое вымя вампира
Маячит в зловещей степи...
Позвольте пройти до сортира,
Я должен исполнить пи-пи.

09.08.1993

Сюрприз

Как гнусен был их разговор!
В степи огонь трещал.
Я обходил знакомый двор
И путался в плющах.

Слоняясь молча под окном,
Взирая из-за штор,

Я обошел притихший дом
И вытащил топор.

Чтоб избежать ненужных свар,
Коснувшись вскользь перил,
Я произнес «Алла акбар!» —
И тихо дверь открыл.

Соседи тягостно хряпят,
Ворочаясь с трудом.
Я вышел в ночь в крови до пят —
Искать соседний дом.

12.01.1994

из цикла «Утренние созерцания»

Будь я малость помоложе, —
Например, годков на пять, —
Боже мой! Да мой ты боже!
Я б такое мог сказать!

Что мне степи и равнины?
Что мне горы и леса?
Заводные бедуины?
Отварная колбаса?

Слог мой ясен и воздушен,
Вдохновенен и негруб,
И пленительно послушен
Искривленью синих губ.

Да с такими-то речами,
При скопленых стольких дел —
Не врашал бы я очами
И ключами не звенел.

Кабы было все иначе,
Колобок мой, голубок —
Я б не только это начал,
Я бы все продолжить смог.

Но сижу себе, болезный,
С обстановкой незнаком,
Парабелум бесполезный
Теребя под пиджаком.

02.06.1995

— **Опаньки!** — вниз сиганул.
Листья взметнулись с асфальта.
Гомон ворон вдалеке,
Синь облаков...
Я не ушел, я не умер —
Всего лишь вознесся.
Капли росы на траве...
Кровь на земле...
Мертвое тело в кустах...

12.10.1995

В той череде несносных дней,
Немыслимых огней,
Казалось мне всего верней
Навек остаться с ней.

Но не сумел, нелепый мим,
Навек расстаться с ним,
И мажу, думами гоним,
Свой неуместный грим.

Сказал себе я: «Боже мой!
Хотя бы ты не ной!» —
Так слог мой превратился в гной,
Пока я шел домой.

Так я от безнадеги слег,
Пока растаял снег,
Но ты опять сказала: «Йок,
Какой же ты узбек?»

Поверить этой чертовне,
Когда весь мир в огне?! —

Ей-богу, даже в страшном сне
Не доводилось мне!

Мне, повторяю, никогда
Не пережить стыда.
Гори, сияй, моя звезда,
Зияй... моя... звезда...

15.01.2000

Может, это снится мне, —
Я себе сказал, —
Только кто-то спицами
Мне проткнул глаза.

Я горжусь державою,
Варежки вяжу,
Но рукою правою
Глаз не нахожу.

Мне рукою левою
Не нашарить их...
Все, что я ни делаю —
Попадает в стих.

Ни какой тут логики
И в помине нет:
Так себе, убогенький,
Чахленький сюжет.

Передайте лапочке,
Передайте доченьке:
Свяжет папа тапочки —
И прозреют оченьки.

Ох, что я и сделаю
Со своей державою
Я тогда и левою,
Я тогда и правою.

15.01.2000

Сантиметров пятнадцать всего
Не хватало для полного счастья.
Я сижу, отрешен, безучастен,
Осуждая дружка моего.

Мне бы впору пуститься в загул,
Ибо веские гложут причины.
Ой вы, горе мои величины —
Ну, куда я от вас убегу?

Не сложились приметы судьбы...
Перспективы рассматривать — что ты!
Эх вы, ижицы, лямбды и йоты —
И без вас бы не скурвиться бы!

15.01.2000

Весеннее обострение

Пока в полях не стаял снег
И не журчит вода —
Свои претензии к весне
Я выражал всегда.
Не вдохновляет аппетит,
Работа не идет,
И все к таким чертям летит,
К таким делам ведет...

Короче ночи, жарче дни,
Но я совсем обмяк.
Гони соблазнов дух, гони!
А толку-то, земляк?!

Весну, издав протяжный стон,
На дух не выношу.
Душу свой гормональный фон:
Сижу, стихи пишу.

28.03.2000

Песнь песней

Я песенкой этой и ныне дышу,
Такое, ребята, во сне не приснится,
Светлеют от слов этих пламенных лица:
«Плынут пароходы — салют Мальчишу!»

Какая погода стоит на дворе!
Какие девчонки гуляют повсюду!
Я выйду, и сдам непременно посуду,
Лиши только три буквы найду в букваре.

Прохожие — что глухари на току —
Все пассы мои созерцают с опаской:
Я выведу жирной размахисто краской
Икс, игрек и бодрую зет — на боку.

И мне в этом смысле так хочется петь,
В экстазе скорей с оппонентами сливаться.
Но горькую повесть читаю на лицах:
«Висят пионеры», — и ныне, и впредь.

13.01.2001

Я, озирая улицу,
Стою, разинув рот.
Кругом народ волнуется,
Кучкуется народ.

Снуют себе автобусы,
Троллейбусы жужжат,
И Украины глобусы
Не в тубусах лежат.

Такая ситуация
Не каждого смущает,
Но не цветет акация
И время не летит.

Метет пороша белая,
Смецаются тела:
Красивая и смелая
Дорогу перешла.

5.04.2000, 14.01.2001

(специально к «Сказке о Маленьком Мышионке»)

Вот и съедена морковка
И капустный пирожок.
Здравствуй, божия коровка —
Мой оранжевый дружок!

Где ты, милая, летала,
Что ты видела окрест?
Знаю: где-то есть немало
Интересных всяких мест.

25.05.2002

Простая песенка

Сергею Довлатову

Ночь холодная и темная.
Я сижу и водку пью.
Жизнь, подруга неуемная,
Гасит молодость мою:

Как бычок истлевший выбросит,
Не оглянется вовсегда.
Может быть, у жизни выпросить
Мне еще немногого лет?

Только вот, какая разница,
Если время тут как тут:
То ль страшит, а то ли дразнится,
Кличет сердце — тук-тук-тук.

Знаю — время не воротится.
Ну и Бог с ним, ну и пусть!
Ах, как жаль, что жизнь торопится
В распоследний дальний путь.

Что уж думать тут о хлебушке:
Поздно сеять, рано жать.
Ни одной приличной девушки
Больше к сердцу не прижать.

До чего все грустно, братики!
До чего нехорошо!
...Ну а где-то в дальней Арктике
Ледокол по морю шел.

Со своими прибамбасами
Двигал весело вперед,
А на палубе приплясывал
Исполнительный народ:

Льдины грязные красивую
Зло царапали корму.
...Я сижу и фантазирую,
На курок тихонько жму...

04.10.2003, 01.11

Ностальгия

Я встал, взъерошенный со сна:
Мне не полезно
Стакан последний пить до дна.
Раскрылась бездна —

Звезд не полна, но что-то есть
В ее осколе,
И я узнал благую весть
О Сыктывкаре:

Там не меня ль напрасно ждут
Бухие люди?
Они-то там, а я-то — тут,
Как хрен на блюде.

И понял я: нехорошо
Бухать к обеду.
Добью последненький стишок —
И к ним поеду.

Маринка, Вика и т. д.
Меня ли ищут?
Да с ними я всегда, везде
Пропью хоть тыщу!

Будильник звякнул на столе,
Пустой бездельник.
Работать надо на Земле
Мне в понедельник.

Маринки, вики, как же так?
Долой победу?
Закончу тутошний бардак —
И к вам приеду.

Не остановит никогда
Меня ненастье.
Прощайте, горе и беда!
Вот это счастье!

04.10.2003, 01.30

Последнее

Как ты до этой жизни дошел,
Как ты скатился вниз?
Было тебе всегда хорошо,
Ну, а теперь — карниз.

Пальцы затекшие просто разжать,
Выдохнуть жизни суть.

Ах, от себя ты хотел убежать
И умереть, уснуть.

Все в один миг пролетит чередой
Перед молчаньем глаз.
Там, за последнею внятной грядой
Кто-нибудь встретит нас.

Может обнимет, а может нет.
Впрочем, на что пенять?
...Этот последний мой странный привет
Вам ни за что не понять.

04.10.2003, 01.47

Навеяло

Расскажу, а поверишь едва ли
В этот искренний страшный стишок.
Я сегодня проснулся в подвале
И себя ощущал хорошо.
Кровь людская — она не водица,
И не водка — поверь, я сказал.
Мне б сначала водицы напиться,
А потом уж раскрыть глаза.

Или нет: подожду, успокоясь,
И настроюсь на ритмы души.
Под руками болтается пояс.
Я не им ли тебя задушил?

Вот простое решенье вопроса:
Мельтешня пролетит без следа.
Знаю я: догорит папироза,
И останется так, ерунда.

04.10.2003, 02.01

Я включил темной ночью на кухне газ,
Не спеша подошел к столу,
Но в какой-то момент что-то яркое, — р-раз! —
Разлилось на полу в углу.

Я гадал: это мой бесконечный бред,
Или это незримый знак?
Но таинственный голос сказал мне: «Нет!»
И решил я: да будет так!

Вермишель не хотела в кастрюле преть
И вода из-под крана плыть.
И решил я тогда, что отныне, впредь
Мне не стать, кем хотел я быть.

Темпоральное, сиюминутное лишь
Я отринул, собравшись спать,
Но супруга сказала: «Опять шалишь
В два двенадцать и в три тридцать пять?!»

Зубы сжав, я сумел эту боль избыть,
И навеки зарекся впредь
По ночам то туда, то сюда бродить,
По углам там и сям глядеть.

Мне бы сесть, или лечь, или мирно спать,
Или вовремя умереть,
Но все тот же голос изрек опять:
«По ночам отдыхать не сметь!»

Ровно в три тридцать пять я проснулся враз,
Макароны остывли вмиг.
И я понял, что давешний мой рассказ
Ниоткуда, извне возник.

Тут же выключив тихо на кухне свет,
Перед этим, понятно — газ,
Я решил для себя, что на свете нет
Ничего, что волнует нас.

Я решил для себя, что удобней жить,
Игнорируя эту жуть.
Но все тот же знакомый голос: «ЫТЬ!» —
Мне сказал, отправляя в путь.

И летел я, не в силах себя унять,
Не сумев до конца понять:
То ли время меня отправляет вспять,
То ли просто я сплю опять?

Мой читатель, умерь ненадолго пыл
И отверзни на время гнев:
На минуту и я о тебе забыл,
Весь свой бред перечесть не успев.

Это буковки только, простые слова,
Суть лексемы, понятия лишь.
(Дальше я пропускаю имя-отчество) была права:
«Ты не пишешь, а так, шалишь».

Отведи ненадолго свой томный взгляд,
Прекрати на минуту речь:
Понимаешь, и я был бы очень рад
Что-нибудь из всего извлечь.

Понимаешь, и я, как и ты, устал,
И утратил весь прежний пыл.
Ты же видишь, — так вышло, — что кем я стал.
Ты же помнишь, что кем я был...

Это время неслышно живую ртуть
Превращает не в злато — медь,
Поднимает с глубин вековую муть,
Обещая: так будет впредь.

Написав напоследок немало строк,
Утомленный, улегся спать.
Так и кончился кем-то отпущеный срок —
Тот, который не двинется вспять.

Удовольствия ради, забавы для
Было начал я этот стих,
Но светало, и вымолвив тихо «бля»,
На рассвете и я утих.

Был неполон, отрывочен мой рассказ
И невнятен в разгаре дня.
Но на той же кухне струился газ,
Ожидая вот-вот огня.

06.09.2002, 07.02.2003, 09.04.2004, 1.05

Баллада о вечной любви

Я рос и мужал постепенно
В мучительной патоке дней.
Мне нравилась девочка Лена.
Не знаю, кто нравился ей.

Глаза — что цветы-незабудки,
С жемчужными зубками рот,
И острые девичьи грудки,
И русая челка вразлет.

Училась она в пятом классе,
Отличницей в школе слыла.
Я слышал: ни Коле, ни Васе
Контрольной списать не дала.

Елене повсюду все рады,
Елена — ударник труда.
Все школьные олимпиады
Ей рукоплескали всегда.

И даже обмолвился кто-то,
Спокойно так, словно «привет»,
Что скоро на Доску почета
Повесят Еленин портрет.

Увы мне, я ростом не вышел.
Умом? Я бы так не сказал.
Но Лена все выше и выше
В моих поднималась глазах.

Не в силах препятствовать страсти,
Имел я посредственный вид.
Мне снилось: подходит, и «здравствуйте»
Мне радостно так говорит.

Берет меня за руку Лена,
Беру ее за руку я,
И все происходит мгновенно,
И вот мы навеки друзья.

Не может быть в жизни так гладко:
Реальность — туман и тоска.
Но самые те шоколадки
Я ей бы в портфеле таскал!

Но самые клевые книжки
Я ей бы под партой припас,
И все остальные мальчишки
Смотрели бы с восторгом на нас.
Я помню дождливую осень —
Печальную, как декаданс.
И в сумерках — кажется, в восемь —
Ты шла на вечерний сеанс.

Настало мгновенье решиться,
Я к встрече желанной готов.
Я понял — сейчас все свершится.
И вот я шагнул из кустов.

О Лена, о милая Лена!
Приди ко мне, Лена моя!
И вот я склоняю колено,
И вот перед Леною я.

И вот вы, глаза-незабудки,
И русая челка вразлет.
И острые девичьи грудки,
И алый смеющийся рот...

...Я после не выдал ни стона,
Крепился из всех своих сил,

Когда представитель ОМОНа
Мне слабые руки крутил.

Нет, не отсырел еще порох
В моей животворной крови.
Но если тебе уж за сорок —
Что толку мечтать о любви?

Едва ли я выгляжу старым,
Все в жизни еще впереди,
Но снятся уже не кошмары,
А шаткие нары, поди.

Как жаль, что никто не услышит
Любви этой пламенной гимн,
Но Лена письмо мне напишет,
И тихо поплачет над ним...

10.04.2004, 17.00

Хирург с растрепанной душой
Кемарит у стола,
На вид ему нехорошо,
Неважные дела.

Ах, почему не снится сон,
А только пустота?
Вот кулаки сжимает он,
Слюна течет из рта.

Да вот она, стоит кровать,
В кровати можно жить.
Но нет, хирург не может спать —
Он может лишь тужить.

Но вот внезапно изо рта
Душа вспорхнула вдруг —
Так лучезарна и чиста.
Спокойно спи, хирург.

25.04.2004, 01.48

На смерть братка

Ну, как-то не так мучили, на,
Товарищи, на, твои:
Сегодня утром Путилина
Нашли у подъезда в крови.

Голды отлетели в сторону
Шузы лежат без шнурков,
Барсетка с гринами порвана
И отброшена далеко.

«Не с целью, на, ограбления
А лишь заказухи для», —
Шушукается население,
Поглядывая издаля.

«Тело вдоль бордюра
Расположено лицом вниз», —
Менты скрупулезно и хмуро
За дело свое взялись.

Я, ощупав в кармане прорехи,
Сжимая гвоздик в горсти,
Написал на борту его бэхи:
«Серега, мы отомстим!»

Так склеил браток салазки,
В иные ушел времена,
Но с цепью якорной вязки
Он не расстался, на.

А был он опасный и дерзкий,
Пинком распахивал дверь —
Пацки, а не па децки.
Да что об этом теперь?

Отвыли давно метели, на,
Прошло уж много чего.
Вот выйду, на, отметлю, на,
Кого-нибудь за него.

07.06.2008

Идут башмаки,
Башмаки по дороге идут.
Шаги их легки,
Но нигде башмаки не ждут.

Суровая кожа
И крепкие шнурки.
И все же, и все же —
Не ждут нигде башмаки.

Послушай, послушай —
Идешь ты своим путем.
Ты лучший, ты лучший,
Но и тебя мы нигде не ждем.

Пусть стерлись подметки —
Без этого никак.
И все-таки, и все-таки
Ты сам реальный башмак.

27.03.2012

О галантности

Я по плацу гулял с папирosoю,
Пялил зенки на клевых чувих.
Но навстречу мне вышла курносая,
И мой пыл на мгновенье затих.

Все при мне: портупея и рация,
То есть — мент, как в обычном клише.
А у ней — вот такенная грация
И улыбка до самых ушей.

Май неистовый, ветер пьянящий,
Клекот птиц в голубой вышине...
Мне подумалось о настоящем,
О безбрежном подумалось мне.

Документы, прописка — все в норме.
Что еще у девчонки спросить?
И хоть был я, товарищи, в форме —
Папироску пришлось загасить.

В голове пронеслась канонада,
По щеке заскользила слеза.
Ничего-то мне было не надо —
Лишь бы пялиться в эти глаза.

Так вот, граждане, жизнь пролетает,
Бесполезно проходят года.
Но вот эта девчонка простая
Мне теперь будет сниться всегда.

Мельтешило вокруг населенье,
Потешаясь из всех своих сил.
И хоть был я при исполненье —
На тур вальса ее пригласил.

И обрушилась майская улица,
От сирени и яблонь бела.
Вот смотри, что ты сделала, умница,
До чего ты меня довела.

А потом у себя в околотке
Мне внушение сделал майор.
Разговор у майора короткий,
Интенсивный такой разговор.

Я лишился работы и званья,
Штрафанули меня сгоряча.
И с тех пор ни одно задержание
Мне никто уже не поручал.

Каюсь, граждане: было б не в мае,
А в июле — я б не оплошал!
Но вот эта девчонка простая
В самом деле была хороша!

18.04.2012

СМИРНОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ

**Песня-плач-причитание
по одинокой девице Татьяне,
от которой ушел хороший парень тракторист Алеша,
а ведь и Таня тоже хорошая девица,
а вот поди ж ты, как оно в жизни бывает,
и все кончается плохо, и всем грустно и нерадостно**

стихотворения

Верстка, макет ***В. Мисюк, В. Смирнов***
Отпечатано в ООО типографии "Полиар"
445020, г. Тольятти, ул. Родины, 36а.
Заказ №
Подписано в печать 12.12.2017.
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Гарнитура "Peterburg".
Усл. п. л. – 13.0
Тираж 100 экз.